

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

A photograph of a large, multi-story building in a state of significant ruin. The structure features two levels of large, arched windows, many of which are missing their panes, leaving open frames. The masonry is crumbling, with exposed brickwork and peeling plaster. The building is partially obscured by dark, leafy trees in the foreground. The sky above is a deep blue with some light, wispy clouds. The overall mood is one of historical decay and melancholy.

Мверские усадьбы

[впечатления]

Тверские усадьбы

в п е ч а т л е н и я

в п е ч а т л е н и я

к н и г а п е р в а я

Благотворительный фонд
во имя иконы Божией Матери
«Всех скорбящих Радосте» (с грошиками)
Тверь 2006

Географическое расположение Тверской губернии между двумя столицами - Москвой и Санкт-Петербургом - всегда было привлекательным. Благодаря этому с начала XVIII века здесь начинается строительство многочисленных усадебных комплексов. Часть из них дело рук великих мастеров - Львова, Росси, Кваренги, Казакова.

Около 170 усадеб, начиная с маленьких уютных особняков и кончая величественными дворцами с великолепными парками и прудами, сегодня находятся в разной степени сохранности.

Их обязательно нужно сберечь от разрушения - ведь это память России, наша общая историческая память. И медлить с этим уже нельзя! Необходимо усовершенствовать правовую базу, установить порядок взаимоотношений между властью и частным инвестором - ибо только это реальная возможность спасения бесценного культурного наследия края.

Дмитрий Зеленин
Губернатор Тверской области

Благотворительный фонд во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (с грошиками)

Кто из вас, дорогой читатель, случайно или не случайно попав в старую усадьбу, проходя мимо бывшего барского дома, парка или заросшего пруда, замедлив шаг или остановившись, не пытался вернуться туда, в прошлое?..

И тогда...

В окнах пустующего ныне дома ярко загораются свечи. К парадному подъезду шумно подъезжают экипажи. Выходя из них, уездные барышни, едва заметно поправив шляпки, следуют чинно, раскланиваясь со знатными гостями, прибывшими на бал.

Тише! Слышите смех и шелест платьев на тропинках старого парка? А вон сквозь ветви деревьев видно, как неспешная лодочка плывет по пруду, поднимая веслами брызги.

Было? Угадали?

...В Тверской области более ста семидесяти усадеб. У каждой своя жизнь, со многими связаны чтимые до сих пор имена: князя Полторацкие и Шаховские, Куракины и Путятины, Гагарины и Ухтомские, граф Толстой и Панин, потомственные дворяне Глебовы-Стрешневы, Голенищевы-Кутузовы, Бакунины, Вульфы...

У каждого дома своя история, а судьба у всех одна - все

перестали быть усадьбами. Можно грустить и сокрушаться, сетуя на власть и время. Но это уже много раз делали до нас.

«Впечатления» не претендуют на научность и информативность, хотя к каждой усадьбе приложен исторический материал. Это скорее попытка передать ощущения, трепет, волнение от увиденного - разные впечатления разных людей - кому-то слышится звон бубенцов проезжающей по соседней дорожке кареты, кто-то восхищается совершенством пропорций зданий и красотой ландшафта. Порой образы, которые приходят к нам на аллеях парка, не связаны с той или иной усадьбой - это могут быть философские размышления, поэтические зарисовки, а иногда сказки или легенды, навеянные увиденным.

Мы позволили себе, рядом со своими, поместить впечатления Пушкина, княгини Кропоткиной, историка-краеведа начала XIX века Ивана Крылова - нам показалось важным дать в книге впечатления людей, видевших и иную жизнь этих усадеб. А наш никогда еще не печатавшийся современник Андрей Хомицкий с его трепетным отношением к истории и красоте как нельзя лучше связал воедино разновременные впечатления.

Оглянись и ты на старый дом, дорогой читатель, поговори с ним, и он непременно расскажет тебе свою историю. Только тебе, шепотом...

Каринэ Конюхова,

председатель благотворительного фонда

Говорили, что когда черт сеял помещиков, в этом месте у него прорвалось лукошко. Имена отстояли друг от друга на расстоянии 4-5 верст, а то и ближе...»- писала в воспоминаниях о своем имении Щербово княгиня Кропоткина. Действительно, в некоторых уездах Тверской губернии в конце XIX века усадьбы располагались в пределах видимости друг от друга и были очень разными. Даже сегодня, когда на территории области не осталось и половины ранее существовавших поместий, а большая часть сохранившихся находится в заброшенном состоянии, поражает разнообразие и красота дворянской усадьбы.

Издавна служилые люди на Руси наделялись за службу вотчинами, однако строительство на этих землях загородных резиденций носило единичный характер.

Указ Петра III «О вольности дворянства» освобождал дворян от обязательной службы и отдавал в полное распоряжение большие поместья с приписанными к ним крестьянами. Позже Екатерина II подтвердила эти привилегии и предоставила ряд новых льгот. Все это привело к тому, что многие дворяне, оставив государственную службу, разъехались по своим вотчинам и занялись преимущественно сельским хозяйством и строительством усадеб. В XVIII веке усадьбы стали основным местом пребывания помещика-дворянина и быстро приобрели представительское значение. Оживленная торговля России со странами Запада в последние десятилетия XVIII века дает возможность помещикам не только тратить крупные средства на строительство, «выписывать» художников, архитекторов, но и изучать современную европейскую культуру, а затем отражать новейшие достижения в своем окружении. Именно так создавались усадьбы - очаги уюта и гостеприимства, широко раскрытые для посетителей; просторные, окруженные парками, ставшие очагами культуры того времени. С одной стороны, это предмет гордости и престижа, отражающий уровень благосостояния владельца, его культурное развитие и духовные идеалы. С другой стороны, усадьбы с конца XVIII века становятся обычным явлением, а жизнь в них - дешевле жизни в городе. «Некоторые помещики, у которых были деньги или кто-нибудь служил в столице, жили богато, большинство же вело самый скромный образ жизни, одевались весьма просто, мало что покупали в городе, довольствуясь собственными

продуктами», - пишет княгиня Кропоткина в своих воспоминаниях. Такая независимость приводила к появлению особого внутреннего уклада в каждой усадьбе - каждое имение было обособленным мирком, жившим согласно своим вкусам и традициям: «Помещики никому не подчинялись, ни от кого не зависели, и потому им не приходилось под кого бы то ни было подраиваться. Это давало полную возможность развиваться всем особенностям их характера, поэтому ни в одной среде нельзя было встретить такого количества чудачков и оригиналов, не считавшихся ни с чьим мнением, как в помещичьей среде. Гегельянцы и философы Бакунины, изъездившие всю Европу, были соседями и встречались со старушкой Бельчаковой, которая никогда не выезжала из своего имения дальше Торжка, читала только сонник, и славилась своим умением заговаривать зубную боль и ожоги».

Безусловно, экономической основой существования усадеб было крепостное право. Его отмена в 1861 году была первым ударом по усадебному укладу в целом. Усадебные комплексы постепенно видоизменялись - многие продавались частями, но в основном помещики начинают строить на территории заводы - сыроваренные и кирпичные, винокуренные и пивоваренные. Однако далеко не все предприятия были успешными, и к началу XX века многие усадьбы меняют хозяев, а порой новыми владельцами становятся зажиточные крестьяне.

Остается загадкой, во что переродились бы усадебные комплексы, не случись в России 1917 года. Возможно, это были бы предпринимательские хозяйства, возможно - загородные дома, нам не узнать этого никогда. Естественное развитие усадьбы было прервано навсегда, а понятие усадебной культуры надолго вычеркнуто из коллективной памяти общества. Поэтому неудивительно, что многие наши сегодняшние представления о жизни в усадьбе идеализированы. В этом есть и чувство вины - мы не были справедливы к целой культуре и целой эпохе, попросту утилитарно используя то, что с любовью и фантазией создавали другие. Может быть, напомнив себе о красоте этих мест, мы еще раз оценим свое прошлое, научимся уважать себя в настоящем и осознаем свое место в будущем.

Ольга Петровичина,
архитектор-художник

Играет скрипка. Ступая по деревянной лестнице, идет сказка.

Сколько прожито и пережито, чтобы волшебница вошла в старый дом,
полный красок и художественных принадлежностей.

В моем доме есть дверь в прошлое. Там музыка - задумчивая и грустная песня Вивальди.

Под ее мелодию я поделюсь с тобой тем, что ушло в воспоминание.

Горницы

Усадьба Горницы расположена на северо-востоке Кувшиновского района, в 40 километрах от районного центра. Река Поведь в этом месте делает крутой поворот, огибая усадьбу с трех сторон.

В первой половине XVII века усадьба Горницы принадлежит Кривским. Василий Григорьевич Кривский получает поместье в приданое за «Ульяной Ильиной дочерью Мусина-Пушкина».

После смерти Василия Григорьевича усадьба переходит вдове Ульяне и дочери Татьяне, В 1652 году «... по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси грамоте из Поместного приказу» отказчик Федька Сухарев «отделил жильцу Ивану Титову сыну Беклемишеву вдовино Ульянинова Васильевской жены Кривского и дочери ее девицы Татьяны прожиточное их поместье село Горницы

на реке на Поведи, а в том селе церковь Николая Чудотворца ветх, пуст...»

В 1702 году при Никите Ивановиче Беклемишеве выстроена деревянная церковь Владимирской Божией Матери с Никольским приделом.

В 1789-1795 годах на средства поручика Петра Васильевича Беклемишева строится каменная двухэтажная Владимирская церковь. Есть гипотеза, что автором проекта мог быть Н.А. Львов, во

Владимирская церковь

всяком случае некоторые композиционные и декоративные особенности позволяют предположить если не авторство знаменитого архитектора, то влияние его построек. Пейзажный парк разбит в середине XVIII века.

После смерти Петра Васильевича имение переходит к его вдове Параскеве Петровне. В семье Беклемишевых имение остается до начала XX века. Незадолго до революции усадьбу

покупает купец Пантюшкин. После национализации имения в своих отчетах Тверской губернский комитет научных библиотек отмечает особую ценность библиотеки, собранной Беклемишевыми, а затем купленной Пантюшкиным «вместе с прочим инвентарем». В отчете комитета за 1921 год читаем: «Ввиду желательного сохранения всей библиотеки Беклемишева, представляющей

индивидуальное целое и включения ее в Книжный научный фонд... Комитет просит принять соответствующие меры по сохранению всей библиотеки...» Сегодня на территории усадьбы сохранились несколько крестьянских домов, остатки главного дома, парк и Владимирская церковь с фрагментами валунной ограды.

Река Повесть

Усадьба Горницы от дороги

Он пришел издалека с одной-единственной целью - увидеть. Порой ему казалось, что это наваждение пройдет, но оно возвращалось. Он не был здесь никогда и не был связан с этим местом ничем - ничем, кроме воспоминаний старой бабушки. Она здесь родилась и жила, а потом, через полвека, рассказывала ему, 10-летнему мальчишке, о своем детстве. Он не был здесь никогда - но и теперь, через столько лет,

«знал» все до мельчайших деталей - именно так, как рисовало это место его детское воображение долгими зимними вечерами. Он «помнил» бабушкин дом с резными подзорами в ряду деревенских изб, помнил бочку с дождевой водой так отчетливо, будто вчера из нее умывался. Помнил двухэтажный барский дом, лужайку за лесом и речку, на которую бабушка (а со временем ему стало казаться, он сам) бегала купаться. Церковь он представлял себе

Он пришел издалека с одной-единственной целью - увидеть...

смутно - что-то большое, в ограде, а вот отполированные до блеска деревянные перила и белокаменные ступени парадной лестницы барского дома, коридор, застланный дорожкой, помнил отчетливо. Еще он «помнил» библиотеку - казалось, у нее нет потолка и книги уходят прямо в небо - большего собрания книг он не видел за всю свою жизнь.

Он приезжал уже сюда - ранней весной, в марте,

когда таял снег и земля была влажной, а по грунтовой дороге вдоль реки проехать и даже пройти было нельзя. Он вернулся летом. Дорога просохла и выглядела вполне проезжей. Но через сотню метров путь преградил невесть откуда несущийся поток воды, с шумом впадавший в мерно текущую справа реку. Пришлось оставить машину и идти пешком.

Начался дождь, стремительно набегали низкие

тучи, ноги скользили по мокрой глине. Его кто-то ощутимо не пускал туда, вперед, где еще светилась узкая полоска чистого неба.

Дух владельца усадьбы охраняет то, что осталось от поместья? И осталось ли? Петра Васильевича Беклемишева бабушка называла с особой интонацией - «барин», а воображение ребенка рисовало его высоким, дородным человеком. А может, это речка Поведь, разливаясь, перекрывает путь, храня как жемчужину взятую в кольцо бегущей воды усадьбу?

Дождь немного стих, посветлело. Лес сменился мелколесьем, тропа угадывалась по остаткам мостовой - гладким камушкам, поросшим травой.

В усадьбу он вошел как-то буднично и внезапно - просто прошел через аллею вековых вязов, посаженных по периметру парка. Было очень тихо - ни ветра, ни пения птиц, ни лая собак - только мелкие, отвесно падающие капли. Аллеи перетекали в аллеи, в просвет между деревьями были видны заросшие травой поляны. Так же просто и внезапно он вышел к церкви - и все встало на свои места. Церковь собрала пространство, закрепив вокруг себя как единое целое и аллеи, и вязы, и свинцовое небо, и даже этот дождь, который все еще моросил.

Он тихо ходил по аллеям, по остаткам господского дома, вокруг церкви, вдоль речки. Он без труда узнал бабушкин дом и кивнул ему как старому знакомому, про себя отметив, что дом еще крепок и ставни закрыты, значит, на выходные сюда приезжают... Барского дома нет, но вот гранитные ступени - вот вторая, с отколотым краем, она очень теплая летними вечерами. А к речке близко не подойти - заросла. Потихоньку запели птицы, то тут, то там солнечный луч выхватывал капители храма, играя, пересчитывал колонны на ротонде и терялся где-то внутри. Мир вокруг оживал, начинал переливаться красками. Усадьба встречала его как живое существо - настороженно, застенчиво. Она не спешила раскрывать перед ним свои секреты, свою красоту, свою душу. Но он тоже уже не спешил - он как бы вернулся домой, сюда, где не был ни разу.

...Он возвращался назад по той же дороге. Оглянувшись, увидел ротонду церкви. Изящной тенью плыла она над деревьями парка, явная даже на фоне сумеречного неба. И он опять подивился: ну как не заметил ее днем? Внезапно он понял, почему его так тянуло сюда - его влекло в чудесный мир не своего, но очень счастливого детства, так красочно описанный бабушкой. И еще он понял, что этот мир, несмотря на разрушенный барский дом и заросший парк, все еще жив - в каждом дереве, в запахах цветущих трав, в отколотой гранитной ступени, в колоннаде церкви, в бабушкином (а теперь чужом) доме. И еще в чем-то, чему не было названия, - а может, он просто не находил слов. Но он точно знал, что эта усадьба - часть его жизни и он обязательно и очень скоро сюда вернется.

Ольга Петровичина
2005

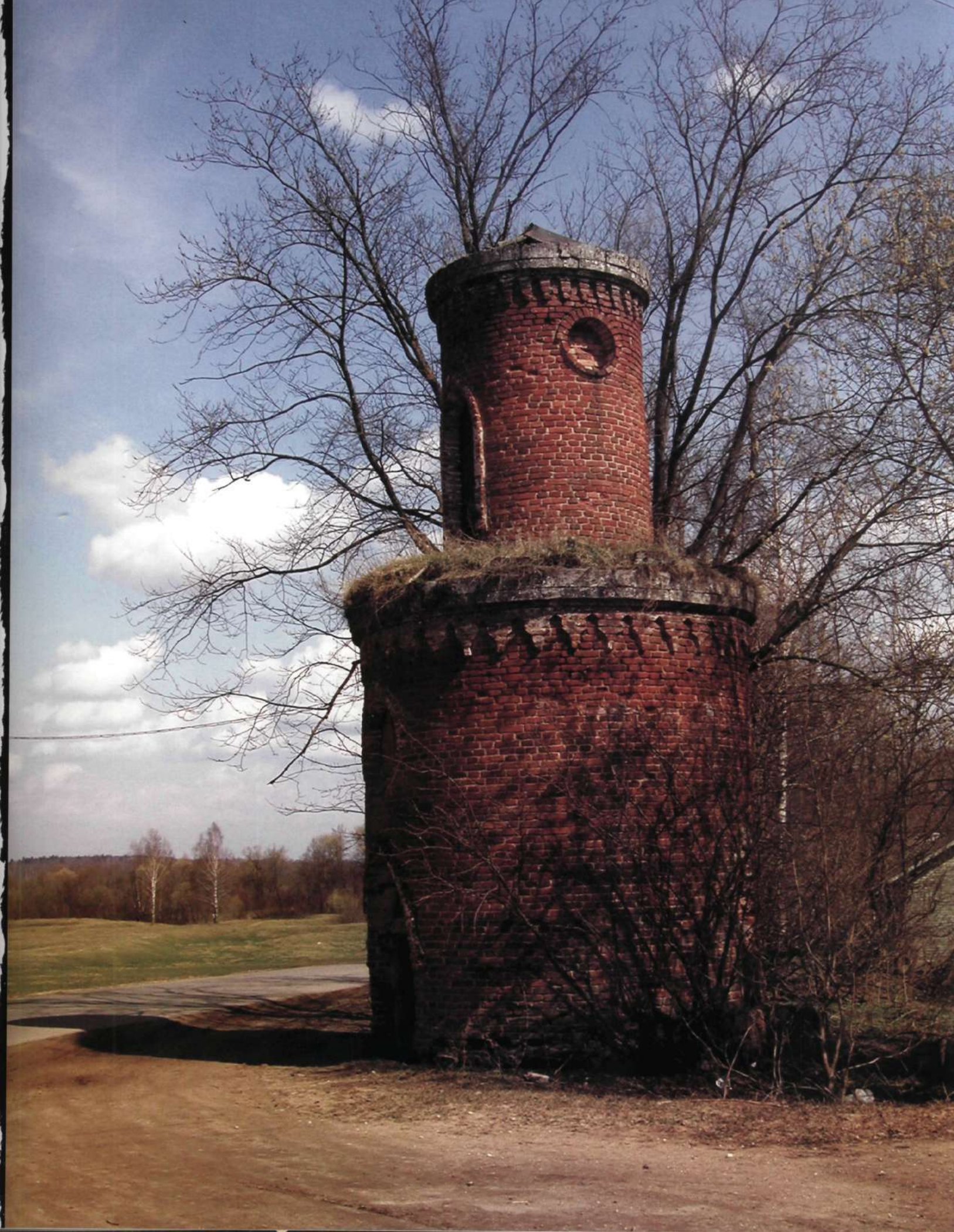

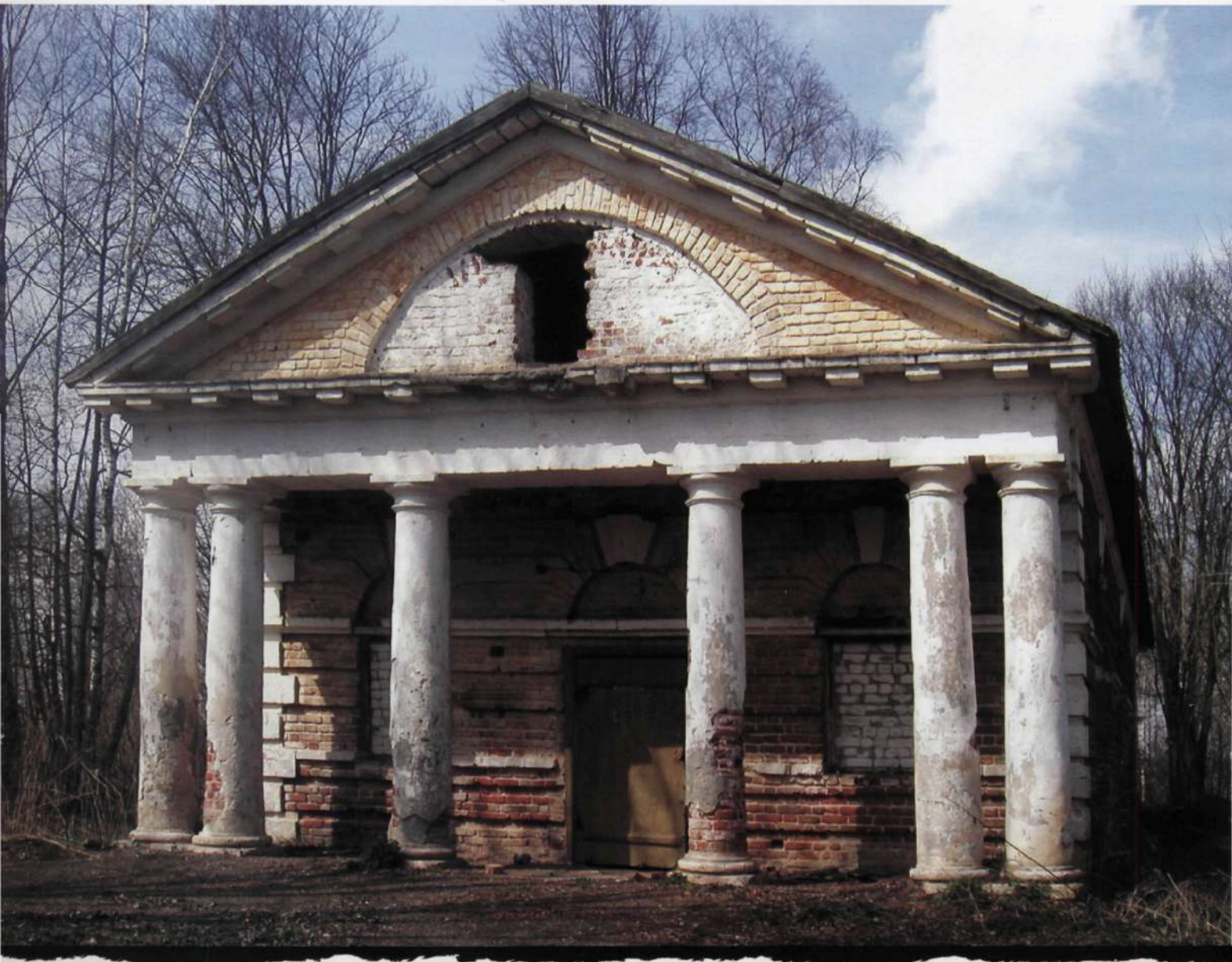
Глухово

Усадьба Глухово расположена на юге Торжокского района, в 40 километрах от районного центра, на берегу реки Тьмы. Село Глухово перешло в начале XVIII века к помещикам Ртищевым от бояр Шишковых. В 1777 году на средства Якова Петровича Ртищева на территории усадьбы была построена деревянная церковь во имя Илии Пророка с приделом Святителя Николая. Более века усадьба переходила по наследству в роду Ртищевых, пока Дмитрий Яковлевич Ртищев, не имевший детей, не оставил в 1847 году завещания, передав поместье и землю своим крестьянам. Кроме того, по этому же завещанию Дмитрий Яковлевич отпустил «в звание свободных

хлебопашцев» доставшихся ему по наследству крестьян, причисленных к селу Глухову, «с женами их, детьми, внуками, приемышами обоего пола...» «Дворовым людям моим предоставляю я, со дня смерти моей, полную свободу». Весьма интересно и то, что Дмитрий Яковлевич не просто завещал имение крестьянам, но «учинил с ними договор», согласно которому крестьяне, в свою очередь, обязуются не только «во всю жизнь помещика оставаться в полном повиновении его, как доньше было, предоставляя ему власть назначать из среды рекрутов», но и содержать принятые в собственность имение, дом и господские заведения в порядке. «...Мы, увлекаясь благодарностию

желаем, чтоб место сие, освященное для нас благотворительною его жизнью в течение 52 лет его управления, оставалось навсегда в теперешнем благоустроенном виде, как знак любви и благодарности нашей к нему...» Через два года после смерти Дмитрия Яковлевича, в 1855 году, крестьяне села Глухова из кирпича главного барского дома начали возводить церковь во имя святого Дмитрия Ростовского, которая была освящена в 1875 году. Сейчас усадьба разделена дорогой на две части. Сохранились церкви, пейзажный парк, башня ограды и два флигеля барского дома.

Флигель барской усадьбы

Геометрический специальный план села Глухова. 1856 год

...1847 года июля дня я ниже подписавшийся, коллежский советник Дмитрий Яковлев сын Ртищев... отпускаю в звание свободных хлебопашцев крестьян... с женами их, детьми, внуками и приемами обоего пола...

Село Глухово, несомненно, принадлежит к старинным селам Новоторжского края новгородских владений на Старицком рубеже, вошедших вместе с Новгородом в Московское государство. Его древность отчасти подтверждается сохранившимися в селе старинными могилищами. Вначале село принадлежало, вероятно, кому-нибудь из рода бояр Шишковых, впоследствии перешло к помещику Ртищеву, потомок которого Дмитрий Яковлевич Ртищев, умирая в 1853 году, отказал все свои земли и усадьбу с постройками, красивой архитектуры, в собственность крепостным крестьянам, которых щедро наделил землей. Но эти крестьяне, как говорят, позабыли своего благодетеля-помещика, и ничем не выражена до сих пор их благодарность, даже не служит о нем панихида.

По генеральному межеванию 1774 года село Глухово с селом Кошельково и деревнями Скоморохово, Татьянино и Новая с пустошами числилось за помещиком Яковом Петровичем Ртищевым.

Церковь во имя святого Дмитрия Ростовского

В селе Глухове, как видно из межевания 1838 г., были еще две усадьбы: штабс-капитана Афанасия Федоровича Шишмарева и поручика Николая Федоровича Шишмарева, в каковые входило сельцо Поречье и др.

Барская усадьба Ртищева была обнесена высокой и красивой, вроде монастырской, стеною, от которой одна башня сохранилась до настоящего времени, которая своею оригинальностью заставляет обращать внимание всякого путника. Из барских построек уцелели два кирпичных здания, занятые одно земской школой, а другое - церковным сараем. Около деревни сохранился барский, специально приспособленный для разведения рыбы садок, дно и откосы которого выложены камнем. Садок этот, как говорят, разделялся для каждой породы особыми железными сетками. В настоящее время вода из садка спущена и он представляет собой болотистый овраг.

В селе Глухове, в бывшей барской усадьбе, находятся две церкви - старая деревянная и новая каменная, обе строго выдержанной архитектуры.

Иван Крылов
1914

Грузины

Усадьба Грузины расположена в Торжокском районе, на трассе Торжок - Старица, в 15 километрах от районного центра. Через усадьбу протекает небольшая речка Жаленка. Село Кузнечково - Грузины - издавна принадлежало старинному и многочисленному роду новоторжских помещиков Шишковых. Предок рода Шишковых в дни Великого князя Ивана Михайловича Тверского «выехали в Тверь из Польши», его потомки служили воеводами, стольниками, стряпчими и жалованы

были поместьями, В конце 50-х годов XVIII века «родовое дедовское имение» Грузины досталось Агафоклее Александровне Шишковой, 8 замужестве Полторацкой. Ее муж - Марк Федорович Полторацкий - стал со временем одним из крупнейших в России помещиков. Точная дата строительства усадьбы не определена, но архивные данные свидетельствуют о постройке церкви Грузинской Божией Матери, являющейся частью комплекса, в 1744 году.

По сохранившимся воспоминаниям Анны Петровны Керн, внучки Агафоклеи Александровны, она «жила в великолепном замке, построенном Растрелли. Он стоял на возвышении. Перед ним лужайка, на ней островки.» Других свидетельств участия в строительстве усадьбы столичного зодчего нет. Активное строительство на территории усадьбы продолжается вплоть до конца XVIII века. К этому времени в верхнем течении реки на границах владения появляются винокурный завод,

ветряная мельница. Образуется система регулярных ключевых прудов. Второй период в истории строительства усадьбы относится к началу XIX века и связан с именем Константина Марковича Полторацкого. По проекту В.П. Стасова к главному дому пристраиваются флигели, усадьба пополняется значительным числом построек, система прудов развивается на юг, образуя ряд живописных водоемов вдоль главного дома усадьбы. К 1830 году относится расцвет хозяйственной деятельности в усадьбе.

Она приобретает облик большого предпринимательского хозяйства и уже не является постоянной резиденцией Полторацких.

В конце 50-х годов XIX века Полторацкие продают усадьбу предпринимателям Молчановым. Однако строительство железной дороги через уезд подорвало хозяйственную деятельность в усадьбе. Река Тверца теряет транспортное значение, сбыт продукции затрудняется, хозяйство становится нерентабельным и принимается решение о сносе заводских построек и двух мельниц, а

само имение, несколько раз перезаложенное, продается участками. В 1883 году владельцы начинают разборку кирпичных строений на продажу строительного материала. Сегодня от бывшего имения Полторацких сохранились главный усадебный дом, сильно перестроенный южный флигель хозяйственного двора, валунный мост, парк и крестьянские дома вдоль Старицкой дороги. В части усадьбы выстроена жилая застройка современного села.

Я люблю этот ветхо-богатый,
Опустелый помещичий дом,
Окруженный гирляндой статуй,
Отраженный зеленым прудом.
Я люблю этот очерк Растрелли,
Эту белую сказку колонн,
Эти старые дубы и ели
И ночной золотой небосклон.
Я люблю его призрачный голос,
Эхо жизни, которая в нем
Расцветала, мечтала, боролась,
Загоралась сердечным огнем.

Крестьянские дома вдоль Старицкой дороги

*...этот ветхо-богатый,
опустелый помещичий дом...*

Я люблю эти прошлые лица
На отцветшем слепом полотне,
Клавикорды в уютных светлицах,
Знак киота в углу на стене.
Я люблю это таинство рода,
Дух семьи, продолжающей жить,
Заставляющей сердце народа
С красотою былою дружить,
Как подснежник и лунные чары,
Как легенд переписанный том,
Я люблю этот милый и старый,
Этот белый помещичий дом.

С. Копыткин

Геометрический специальный план села Красного. 1846 год

Красное

Главный дом усадьбы

Усадьба Красное расположена в Старицком районе в 15 км от города Старицы, на берегу речки Холохольни. С XIV века село Красное как населенный пункт входит в состав древнего Тверского княжества. В начале XVIII века владельцем «вотчины села Красного» был секретарь Иностранной коллегии «Сергей Ильин сын Семенов», а во второй половине XVIII века земли переходят к действительному статскому советнику Марку Федоровичу Полторацкому и его жене Агафоклее Александровне, в девичестве Шишковой.

В конце XVIII века значительная по площади усадьба расположена на развилке дорог Старица - Торжок, Старица - Осташков, на естественной террасе, в излучине запруженной речки Холохольни. В это время господский дом стоял на развилке дорог и был деревянным, а точно по оси дома располагалась деревянная церковь Воскресения Христова. В 1790-х годах на территории усадьбы Марк Федорович строит по проекту архитектора Ю.М. Фельтена каменную церковь Преображения Господня.

Появление такого необычного для этих мест храма многие годы не дает покоя исследователям. По одной из версий, косвенной причиной такого выбора - строительства в русской глубинке точной авторской копии церкви Чесменского дворца в Санкт-Петербурге, выстроенной в честь блистательной победы русской эскадры над турецким флотом в Чесменской бухте Эгейского моря, - было уязвленное самолюбие Марка Федоровича. Сын соборного протоиерея Черниговской губернии Федора Филипповича,

благодаря своим музыкальным способностям он был приближен к императорскому двору. В 25 лет получил звание полковника, а в 34 года возведен в потомственное дворянство. Такое быстрое возвышение и переход в среду высокородных вельмож вызывало зависть и раздражение. При дворе Марка Федоровича не очень любили. Возможно, выбором столичного архитектора и повтором образа храма, освящение которого торжественно отмечала вся Россия, Марк Федорович подчеркивал свое место при

императорском дворе и значение своей личности.

В 1795 году существует господский дом «каменный с плодовым садом ...»

После смерти Агафоклеи Александровны в 1822 году (Марк Федорович скончался в 1795-м) поместье переходит к сыну Александру Марковичу, который всерьез занимается переустройством всего усадебного хозяйства.

Есть все основания утверждать, что автором перестройки был Василий Петрович Стасов.

Во второй половине XIX века усадьба переходит в род Вульфов, затем - дворянам Костылевым. Перед революцией усадьба принадлежала доктору медицины Борису Борисовичу Костылеву. С начала I мировой войны вплоть до революции в имении существовал госпиталь для раненых воинов.

На территории усадьбы Красное сегодня сохранились церковь, разрушенный главный дом, ряд хозяйственных построек и террасный парк.

*...жемчужиной светится Красное
в простом ожерелье берез...*

Запруженная река Холохольня

Шагала сюда не напрасно я,
глотаю дорожную пыль, -
бел-камень и крыша двускатная -
во прах обращенная былъ...
Дом с окнами на колоколенку,
на храм (что всегда - на восток),
на воды реки Холохоленки,
на чей-то фамильный исток..

Церковь Преображения Господня

Шагала сюда не напрасно я -
сквозь близкие всполохи гроз,
жемчужиной светится Красное
в простом ожерелье берез.
Красиво прекрасное старится.
Не дайте красе одряхлеть:
пожалуйте, гости, во Старицу,
чтоб медью на храм позвенеть...

Тамара Карякина
2005

Неслышно ступая по лестнице, идет сказка.
Волшебники вошли в наш старый деревянный дом.
Звучит тишина, и сказка расправляет свои чудесные крылья,
чтобы ожить в доме светлая человеческая музыка прошлых, ушедших дней.
Горят свечи. Играет скрипка, и старые ноты превращаются в тихий напев,
задумчивый и грустный, как что-то пережитое и почти забытое.

Берново

Соколова

Навиновское

Хурава-Покровское

Маминнаха

Вид на усадьбу Берново от усадьбы Соколово (лиственницы на партере)

Усадьба Берново расположена в Старицком районе, к северо-западу от районного центра, в живописном месте на реке Тьме.

В XVII веке село Берново и большая часть земли Старицкого уезда принадлежали стольнику Алексею Ивановичу Калитину, Вероятно, при нем была построена в селе каменная Успенская церковь. Существует легенда, что Калитин получил эти земли в

качестве платы за подряд - он обещал засадить липами всю дорогу от Петербурга до Москвы. Подряд не был выполнен, и вся земля была отобрана в казну.

Впоследствии земли были переданы бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу, помещику Псковской губернии. За 24000 десятин земли, населенной крестьянами, П.Г. Вульф заплатил 500 рублей. После его кончины земля перешла к сыну

Ивану Петровичу Вульфу, «тайному советнику и кавалеру», бывшему долгие годы орловским губернатором.

Строительство первого усадебного дома в Бернове, ставшего родовым гнездом Вульфов, связано именно с его именем и именем его жены - Анны Федоровны, урожденной Муравьевой.

В 1810 году умирает Анна Федоровна, в 1814-м - Иван Петрович. По завещанию, составленному Иваном Петровичем 12

мая 1811 года, все дети должны были получить земельные наделы. После раздела земли и утверждения на нее новых владельцев началось строительство усадеб вокруг Бернова. Павел Иванович Вульф получает земли и строит усадьбу Павловское, Николай Иванович, а впоследствии его вдова Прасковья Александровна строят Малинники, Анна Ивановна, вышедшая замуж за Павла Ивановича Панафидина,

получает землю с селцом Куровом, впоследствии усадьбой Курово-Покровское, Петр Иванович и Елизавета Петровна Розанова строят усадьбу Соколово, Иван Иванович и Надежда Гавриловна Борзова остаются владельцами Бернова после смерти родителей.

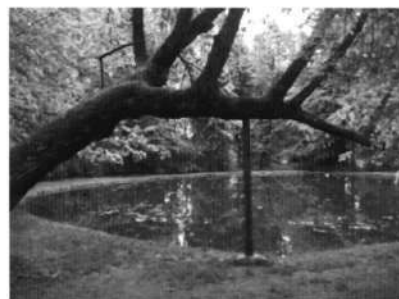
В усадьбе Соколово сохранились руины скотного двора и остатки партера перед барским домом. В усадьбе Павловское -

подъездная аллея к дому и каскад прудов. На территории усадьбы Курово-Покровское сохранились главный дом, флигели, несколько хозяйственных построек и пейзажный парк. От усадьбы Малинники остался только парк.

*...Старый парк молчит угрюмо.
На устах его печать.
Листья падают бесшумно
на недвижимую гладь...*

Ты неспешно идешь по осенним аллеям,
утопающим в листьях, и слушаешь...
тишину. Вдруг, неожиданно для себя,
кричишь во весь голос:

- Где вы, господа-а-а?

Кому кричишь? К кому взываешь? Летит ли твой
голос в прошлое? Или в будущее? Но он уже взорвал
тишину. Откликнулся ветер. Взметнул листья. Они
ожили, затанцевали в диковинном хороводе и
опустились у ног твоих, представив тебе
возможность любоваться этой сложившейся
картиной - букеты роз ли, хризантем?

«Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

Чей это голос? Нет, показалось. Но ощущение
чуда уже вошло в тебя. И, как подтверждение оно-го,
солнце раздвинуло тучи и бросило сноп света на
землю. Возможно, это лишь твое воображение, но в
этих лучах, коснувшихся земли, в этом солнечном
светлом столбе - прозрачные, легкие летали ангелы,
касаясь друг друга крылами. Ты задерживаешь
дыхание, боясь спугнуть видение. И тут же
набежавшая туча закрыла солнце. И все исчезло.
Было или не было - так и осталось загадкой,
тайной парка. Но ты уже не можешь сдержать
свою радость. Она переполняет тебя, и ты
продолжаешь свой странный диалог с парком,
лукавая и играя с ним:

- Где вы, господа офицеры? Душки-военные,
улань? Это ведь любимое место ваших прогулок с
барышнями, что жили в этой усадьбе и окрест!

Сколько же здесь было любовных романов,
личных драм, легкого, ни к чему не обязывающего
флирта! А потом бессонные ночи, вздохи при луне.

На этих аллеях, среди деревьев звучали стихи...

Тебя осеняет: сюда же приезжал Пушкин! Вдруг
перехватывает дыхание, и необъяснимое
предчувствие встречи заставляет тебя чуть
придерживать свой шаг. Ты замираешь в ожидании.
Сердце бешено колотится. Ты замуриваешь глаза,
крепко сжимая веки, и тотчас же слышишь чьи-то
шаги по шуршащим листьям. Они приближаются.
Ты знаешь, что сейчас откроешь глаза и увидишь
Александра Сергеевича. Он непременно поднимет
цилиндр и поклонится тебе.

Шаги совсем рядом.

Ты храбро распахиваешь глаза и... видишь своего
приятеля, с которым вы приехали сюда вместе. Он
непривычно бледен. Взмолвлен. Губы его беззвучно
шевелиются. Наконец прорывается фраза:

- Можешь надо мной смеяться, но я только что
видел Александра Сергеевича. Он поздоровался со
мной.

Но тебя это признание несколько не удивляет...

Наина Хонина
2005

Главный дом усадьбы

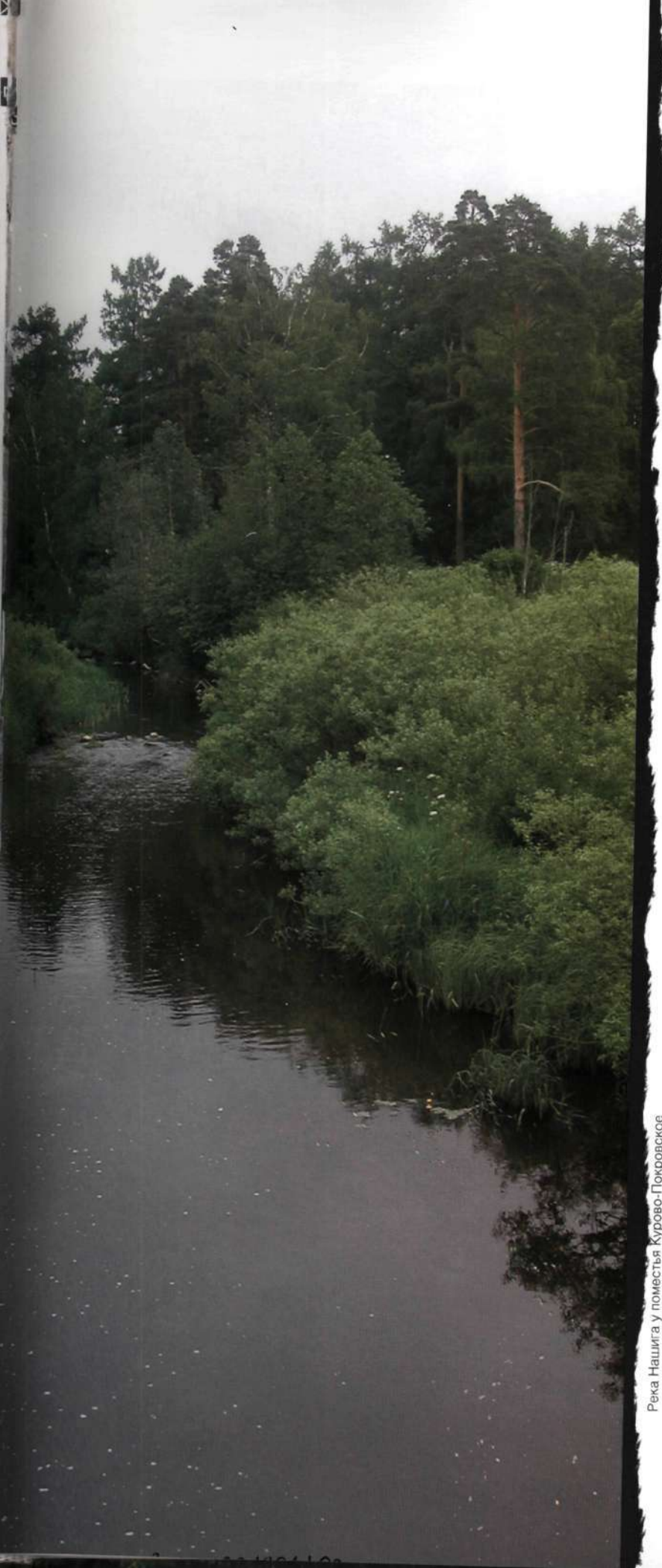
Курово-Макравское

3 мая 1816 года состоялась свадьба Анны Ивановны Вульф и Павла Ивановича Панафидина, потомственного морского офицера, вышедшего к тому времени в отставку в чине лейтенанта. Род Панафидиных довольно давно обосновался в Тверской губернии, но в основном в Ржевском и Тверском уездах. Первым в Старицком уезде поселился Козьма Терентьевич Панафидин, служивший во флоте до выхода в отставку в 1760 году. Его внук, Павел Иванович Панафидин, после окончания Морского корпуса, также

служил во флоте, участвовал в составе эскадры Д.Н. Сенявина в сражениях с турками при Тенедосе и у Афонской горы. После выхода в отставку он поселился в Нестерове, приняв на себя заботы по управлению родовыми имениями.

В качестве приданого Анна Ивановна принесла те земли, которые ей достались после раздела отцовского наследства. После свадьбы молодые поселились в усадьбе отца Павла Ивановича - в селе Нестерове и приступили к строительству усадьбы в

сельце Курове. В 1825 году Павел Иванович и Анна Ивановна Панафидины вместе с разросшимся уже семейством - сыновьями Иваном, Михаилом, Николаем и дочерьми Анной, Екатериной и Натальей - переехали во вновь построенный собственный дом. Переезд состоялся 20 декабря 1825 года. В усадебный комплекс входило 16 нежилых построек, среди них мельница на берегу реки Нашиги, молотильня, конюшня, скотный двор.

Река Нашига у поместья Курово-Покровское

Здесь мне очень весело. Прасковью Алексеевну я люблю душевно, жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня как на собаку Мунито. Петр Маркович (Полторацкий. - *Прим. составителя*) здесь повеселел и умирительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда ехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу, и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбудоражил, он к ним прибежал - дети, дети, мать вас обманывает - не ешьте черносливу, поезжайте с нею. Там будет Пушкин - он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку - дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать - их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь - но увидев что я не сахарный, а кожаный совсем опешили. Здесь много хорошеньких девчонок (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович), я с ними вожусь платонически, и от этого толстею и поправляюсь в своем здоровьи - прощай, поцалуй себя в пупок, если сможешь.

А.С. Пушкин - А.А. Дельвигу
из Малинников в Петербург
1828

*...но уланы переведены, а барышни
разъехались; из старых моих
приятельниц нашел я одну белую
кобылу, на которой и съездил в
Малинники...*

асовня в деревне Малинники

Малинники

Давным-давно, во время оно,
Век коротая, не спеша,
Жила Арина Родионовна,
Простая, добрая душа.
За окнами ее избушки
Текли дожди, метель мела...
Жила-была себе старушка,
Варила щи, блины пекла
На масленицу. А бывало,
Под вечер, сидя у окна,
Она о чем-то напевала,
О ком-то грезила она.
А рядом, набираясь силы
От сказок нянюшки своей,

Жил тот, кого ждала Россия,
Он так давно был нужен ей.
И вышел час определенный -
Судьбы необъяснима власть -
Душа Арины Родионовны
В его душе отзывалась.
Отзывалась добром и лаской,
И болью, ледящей кровью...
А может, это все - от сказки:
«И жизнь, и слезы, и любовь»?
Нам многое теперь по силам,
Мы не обижены судьбой,
Но жаль, что бабушки России
Уносят сказки за собой.

Нет, ничего мы не забыли!
Но вдруг представишь иногда:
Когда все сказки станут былью,
Какой же станет быль тогда?

Щит объявлений.
Удивленный,
Читаю чью-то просьбу вслух:
«Ищу Арину Родионовну.
Для мальчика.
Звонить до двух».

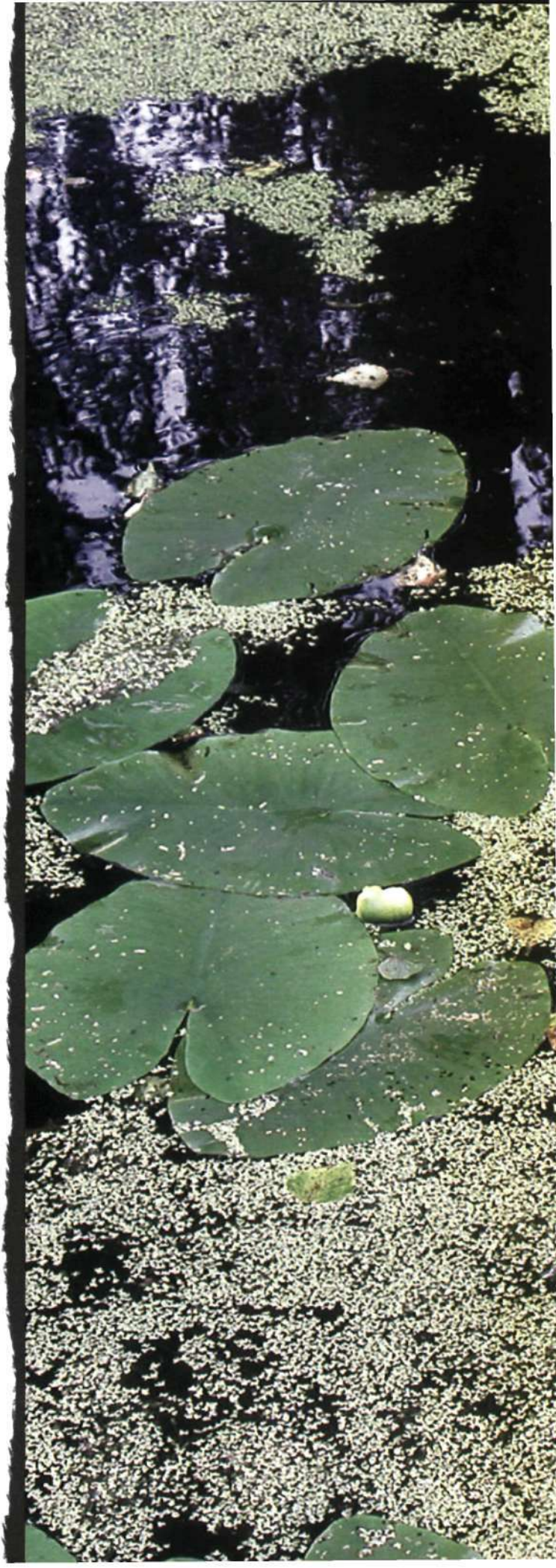
Евгений Борисов
2005

Павловское

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники, но и та уж подомною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш и т.д. живет управитель Прасковии Александровны Рейхман, который поподчевал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так ли ты хороша, как рассказывают, - и какая ты: брюнетка или блондинка, худинькая или плотнинькая? Завтра чем свет отправляюсь в Ярополиц, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, буду должен остаться дня три.

А.С. Пушкин - Н.Н. Пушкиной
1833

Каскад прудов и аллей - все, что осталось от имени Павловское

Ладвино

Усадьба Ладьино расположена в Торжокском районе на реке Шостке.

В меновой грамоте Ивана Грозного со Старицким князем Владимиром Андреевичем упоминается село Ладьино как дворцовое, затем отданное помещикам. В разборной десятине старицких дворян 1622 года село Ладьино показано за помещиком Григорием Ивановичем Бахтеевым.

Самая древняя постройка усадьбы - церковь Покрова Пресвятой Богородицы - выстроена в 1683 году на средства следующего владельца села Ладьино - боярина стольника Сергея Федоровича Аксакова.

В 1770-х годах поместье принадлежит Казнаковым. В 1780 году помещицей Натальей Петровной Казнаковой в существующем храме устраивается придел во имя Казанской Божией Матери. В 1793 году на средства Петра Никитича и Настасии Петровны

Казнаковых была построена каменная церковь во имя Сошествия Святого Духа. Главный дом был выстроен в середине XIX века, вероятно, подполковником и кавалером Валерианом Ивановичем Казнаковым. В 1899 году в селе была выстроена церковно-приходская школа. В начале XX века недалеко от усадьбы появилась земская больница. Особое внимание владельцы поместья уделяли парку. Запруженная в нескольких местах река Шостка образовывала целую систему прудов на его территории, остатки нескольких плотин можно увидеть и сегодня.

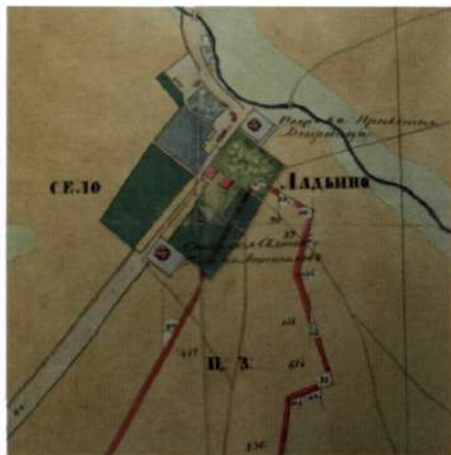
В семье Казнаковых усадьба находилась до революции. Усадьба Ладьино сегодня расположена в центре современного села, сохранились барский дом, флигель, ряд хозяйственных построек, церковь, конюшенный двор, парк с плотинами и каскадом прудов.

Главный дом усадьбы

*И дом этот, словно строгий
прадедушка, кажется уже живым
существом...*

Геометрический специальный план села Ладьино. 1849 год

Пожалуйста, взгляните на это здание и прислушайтесь к себе - какие чувства вызывает у вас этот стоящий на почтительном расстоянии бастион? Бойницы окон, прищурившись, смотрят на вас в свои монокли. Вы готовы к обороне, хотя и ощущаете свою необъяснимую вину: перед кем? Перед чем - перед домом? Это он наводит на вас лорнет, пускает солнечные зайчики, которые попадают в глаза, и вы странным образом сознаете, что XIX век разглядывает вас в лупу своего времени, словно вы букашка, инфузория-туфелька на предметном стекле микроскопа. И вам это явно не по душе. И дом этот, словно строгий прадедушка, кажется уже живым существом...

А может, эти мысли и не ваши вовсе, а вон того мужика среднего роста, в больших сапогах с высокими голенищами, что не торопясь идет по дорожке к дому. На нем что-то вроде тулупчика, ибо на дворе холодный февраль 1920 года, а место тут открытое, так что ветерок хоть и легкий, а пробирает. На плече что-то вроде холщового непромокаемого мешка. Мешок объемистый и явно не пуст, но содержимого не видно, а по контурам не угадаешь...

Знакомьтесь: агент-специалист по делам музеев и охране памятников искусства и старины, командированный предписанием губернского отдела для вывоза из имения картин.

Неприветливое именьеце. Вон служебные

Флигель усадьбы

постройки, видно, переделанные и приспособленные под жилые помещения. Пустых комнат много, а в них всякого хлама набросано.

Дом вздохнул. Или это вздохнул он, агент-специалист? Почему? Стало жаль этот большой неприкаянный дом как старого одинокого человека?

В одной из пустых комнат увидел брошенные в угол картины. Вытащил снизу одну целую в раме. Дом внимательно наблюдал. Агент сдунул пыль с картины, протер ее и осторожно погрузил в сумку-мешок, висящую на плече. Дом хлопнул раскрытыми дверями, словно в ладоши: «Браво!» Агент даже не заметил, что уже сдружился с домом. Походил по нему еще немного, потоптался и тихо пошел к выходу. Пора в обратный путь.

А дом разволновался, глядя ему в спину подслеповатыми глазами. Он же ничего не успел рассказать этому приятному молодому человеку о тех, кто здесь жил, о тех, кого дом знал поименно:

- Милостивый государь, не имею чести знать вашего имени. Покорнейше вас прошу, соблаговолите выслушать. Позвольте обратить ваш взор к достойнейшей памяти всех незабвенных, кои родились здесь, жили и умирали. Я же со своей стороны оберегал их мир и покой.

Агент удалялся все дальше от дома. Дом забеспокоился. Ему хотелось оставить в памяти агента лучшее о себе впечатление. Вдруг ему показалось, что несколько высокопарный стиль общения может порвать ту ниточку доверия, что

Каскад прудов

уже натянулась между ними. И он несколько сбавил тон:

- Господин хороший, считаю своим долгом сообщить вам, что рядом со мной на средства моих хозяев была построена церковь...

Но агент-специалист уже подходил к подводу.

Дом в своем страстном монологе почти выбился из сил, почти потерял голос и решился на последнее обращение:

- Товарищ! У нас тут прежде по-другому было! Театр у нас был. Господа артисты представления давали. А зала какая танцевальная была: в два света! Ты, сынок, таких огромных хором, как мои, во всей губернии не увидишь.

Агент сел на подводу, оглянулся, посмотрел издалека на дом. А дом в отчаянье шептал вслед:

- Сынок, ты на мои кирпичи не смотри. Главное - люди. Люди, которые здесь жили. Вот эту историю со счетов не сбрасывай.

Подвода с сидевшим на ней агентом удалялась от дома. А дом все смотрел ей вслед, пока она не превратилась в маленькую черную точку. Посыпал снег. Снежинки таяли на окнах, превращаясь в маленькие дорожки слез. А может, дом и в самом деле плакал? Свистела февральская стужа, выводя знакомый мотив, всепрощающий, старый как мир:

- Отче наш, иже еси на небеси...

Наина Хонина
2005

Вековые деревья в парке

Межутоки

Усадьба Межутоки расположена в Бологовском районе, к юго-западу от районного центра, вдали от населенных мест, в живописной озерной местности, на мысу между небольших озер Островито и Немега. Возможно, такое расположение между двух водоемов нашло отражение в названии. Усадьба выстроена в начале XX века и представляет собой загородный дом, который принадлежал Демидовой. В усадьбе сегодня находится дом отдыха. Сохранились главный дом, сильно перестроенный флигель и пейзажный парк.

Мозаичное панно на фасаде главного дома

Озеро Островито

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.
Вот дом старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаев.
Тревожный сон... Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке,
Как ряд скелетов, гряда мебели
В пыли почивает и тоске.
Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контраданс.
И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

Николай Гумилев

*...Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь...*

Дорожка парка

Снег осел, но не потерял своей белизны.

Снег сегодня еще хранит предание,
а завтра улетят птицы от моего дома.

Дом стоит, нахохлившись, большой и потемневший.

Кажется, я слышу его глухие, болезненные стоны.
И холодно ему, и сыро, и трудно.

Пою грустную песню, чтобы усыпить его страдающую душу.

Старый дом плавает под звездами,

одиноким, ветшающим, сберегавшим мудрость.

Будто он знает великую тайну.

Знаменское

{ Усадьба Знаменское расположена в Ржевском районе, к северо-западу от Ржева, на реке Волге. В середине XIX века имение принадлежало генерал-майору Петру Петровичу Есипову, потомку древнего дворянского рода, владевшего землями в Ржевском уезде с XVII века. Судя по описанию 1858 года, имение было довольно большим - более 60 крестьянских дворов. В 1913 году имение было выставлено на торги за несвоевременную выплату займа в Дворянском земельном Банке. Во время Великой Отечественной войны в барский дом попала бомба, почти полностью уничтожив его.

В усадьбе Знаменское сохранились фрагмент главного дома, хозяйственные и жилые постройки и сильно заросший парк. }

Южный фасад главного дома

Эту усадьбу нельзя не заметить - особенно летним вечером, когда она освещена теплыми закатными лучами. Уже от дороги, на расстоянии больше километра, что-то притягивает взгляд, сквозь вибрирующий теплый воздух похожее на мираж над полем спелой пшеницы. И всю дорогу через поле взгляд фиксируется на этом причудливом красновато-охристом пятне, еще не обретшем четких контуров на фоне ярко-синего неба. Чуть ближе проступает материальность - и вот появляется гигантская театральная декорация, выстроенная для какого-то неведомого спектакля из итальянской жизни, - такой же воздух, такие же

знойные краски. И уже вблизи становится понятно: это просто стена - все, что осталось от главного дома барской усадьбы. Но очарование не проходит. Этим фасадом хочется любоваться как холстом художника. Вечерние лучи делают тени от пилястр и карнизов глубже, и в этот момент фасад, становясь рельефнее, несет на себе и в себе столько архитектурной пластики, что поневоле воспринимается как законченная композиция. Он живет своей особой жизнью и безразличен даже к объекту, давшему ему право на существование, - самому усадебному дому. Да и дома-то нет - есть лишь кусок, намек на бывшую постройку, случайный отрезок здания, не используемый

Село Знаменское от дороги

*Этим фасадом хочется любоваться
как холстом художника.*

сегодня, - и великолепный, величественный фасад, живущий в мире виртуозной математики пропорций, в мире «золотого сечения», форм, расставленных по своим местам, не знающий никаких других истин, кроме истины «вечных чисел». Он гармоничен даже в своей случайной асимметрии - так выверены пропорции каждой детали и фасада в целом. По этому фрагменту нельзя судить ни об объеме барского дома, ни о планировке - но это и неважно. Нет ансамбля, нет объема, в сущности, нет и самого здания, но есть фасад, торжествующий в своей безупречной гармонии.

Усадьба Знаменское пострадала во время артобстрела Ржева в Великую Отечественную войну. Снаряд упал прямо в здание. С тех пор прошло много лет. Идут дожди, белым покровом ложится снег, светит солнце. Мимо проходят люди. Ничего не меняется. Мелькает сумасшедшая мысль - выстроить перед фасадом сцену из грубых досок, навесить в проемах нижней аркады тяжелый театральный занавес, пригласить актеров, музыкантов, публику и тихим летним вечером устроить здесь спектакль, оживив эту стену голосами, музыкой, поэзией. Хотя бы раз, на несколько часов.

Ольга Петровичина
2005

Ново-Михнево

Главный дом усадьбы Трубниковых

Усадьба Михнево, Лихославльский район. Расположена на левом берегу небольшой реки Медведицы, вдали от населенных пунктов.

Комплекс усадьбы выстроен в начале XIX века и, вероятнее всего, всегда принадлежал семье Трубниковых. Наиболее известен из семьи Арсений Никанорович Трубников, получивший имение в 1860-х годах. Один из активных деятелей Тверского губернского земского собрания, инженер-полковник, он приумножил владения семьи, покупая земли в Бежецком и Тверском уездах. Именно с его именем связаны строительство в усадьбе

рыбокопильного и сыродельного заводов, маслобойки. Арсений Никанорович получил техническое образование и был крупным специалистом по железнодорожному строительству. Свое имение Михнево он содержал в образцовом порядке, на должность управляющего, учителей, приказчика он брал только проверенных и надежных людей, подходя к этому вопросу чрезвычайно тщательно. Крестьян юн отправлял в практическую школу земледелия под Москвой, детей крестьян обучал грамоте, арифметике, Закону Божьему, справедливо полагая, что безделье и невежество рано или

поздно порождают пьянство. Школу устроили в правом флигеле главного дома усадьбы. Способные ученики могли рассчитывать на оплату Трубниковым дальнейшей учебы. Занимался Арсений Никанорович и организацией досуга крестьян - часть парка была приспособлена под народные гулянья, которые устраивались по праздникам и выходным дням. Вместе с тем, Арсений Никанорович постоянно находился в состоянии суда с теми или иными крестьянами по поводу захвата его земель, самовольных покосов, отказа платежа по долговым обязательствам. Он тщательно проверял соответствие

принадлежащих ему крестьян и реально проживающих на его территории и выдвигал иски против вольноотпущенников, не несущих повинностей, так как за них все «рекрутские, натуральные и денежные повинности» несли его собственные крестьяне, что он считал несправедливым.

Кроме обустройства собственного имения Арсений Никанорович выдвигал проекты уездного масштаба, например предложил проложить почтово-торговый тракт, соединяющий Тверь с городами Бежецком и Кашином, предложив Тверскому губернскому земству свои услуги, провел

исследование почв и даже начал строительство за свой счет. Но губернское земское собрание не оценило всей очевидной выгоды такого проекта и не стало финансировать устройство тракта. Однако, как отмечает сын Трубникова Никанор Арсеньевич в своем «Историческом очерке дорожного дела в Тверской губернии», после проведения части работ по устройству тракта 43 версты от своего имения до Твери Арсений Никанорович преодолевал за 6 часов вместо ранее необходимых 12.

Дети Арсения Никаноровича - Елизавета Арсеньевна и Никанор Арсеньевич -

унаследовали имение отца. После революции в имении при созданной коммуне проживали Елизавета Арсеньевна и вдова ее брата Алексея Марья Аркадьевна с дочерью. В 1920-х годах, несмотря на протесты жителей окрестных деревень, бывшие помещицы были выселены.

От усадебного комплекса сохранились парк и ряд построек: главный дом, флигель, башня и ворота ограды, пейзажный парк, каскад прудов, фруктовый сад.

Центральная парковая аллея

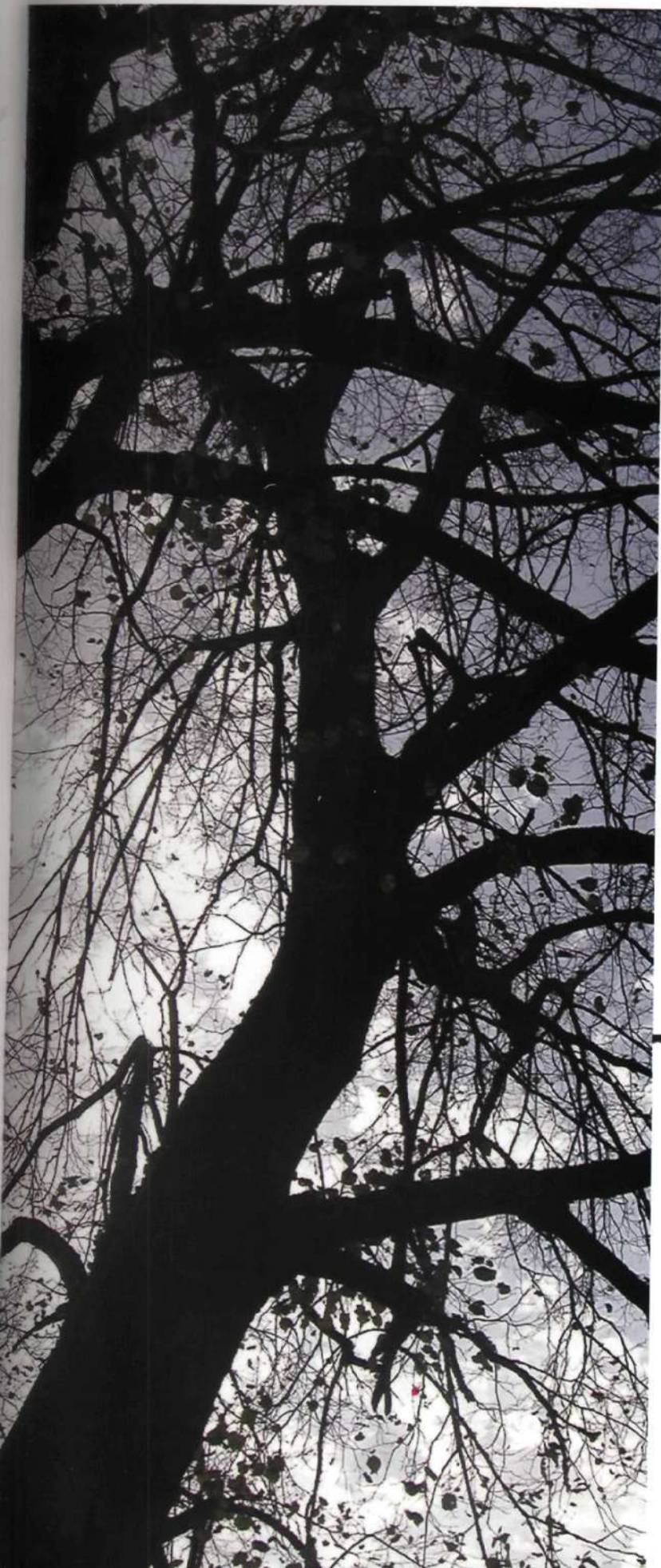
Вот села на одиноко стоящий у пруда куст жасмина белобокая красавица сорока. Уселась чинно, не стрекочет, только слегка раскачивается на тонких ветвях кустарника. Качнулась раз-другой и замерла. Словно вслушивается - что там, в старом парке?

А это ветер, перебирая верхушки, считает-пересчитывает вековые деревья - дубы, вязы, липы, а старый парк в тысячный раз вспоминает-пересказывает свою жизнь.

...Заросшая травой и кустарником липовая аллея ведет прямо к барскому дому. В прежние годы в такую же летнюю пору здесь собиралось много

гостей. Съезжались соседи, друзья, многочисленная родня. Сюда любили навещать и именитые столичные гости. И тогда парк звучал молодыми счастливыми голосами.

А в вечерних сумерках в его глубине светился большими окнами гостеприимный дом. Гости располагались кто на веранде, кто в гостиной. Те, кто постарше, вели неспешные беседы, играли в вист, а из гостиной в теплую летнюю ночь лились звуки рояля... И тогда старый парк затихал, вслушиваясь и покачивая ветвями, будто соглашаясь - да, так и должно быть, все правильно. А иногда даже вздыхал от наплыва чувств.

*И потому в голосе старого
парка ей слышится только
шум ветра и скрип старых
засохших веток...*

Башенка ограды и барский дом со стороны фруктового сада

Но наша сорока слишком юна, и ей неведомы эти звуки. И потому в голосе старого парка ей слышится только шум ветра и скрип старых засохших веток, а еще звук приближающегося дождя. Да и зачем ей слушать этого старика, когда у нее впереди вся жизнь - легкая, свободная, бесконечная. Сорока

склонила голову набок, насмешливо посмотрела в сторону парка, еще раз качнулась и улетела. А парк остался один со своими, такими ненужными, воспоминаниями. И продолжает вести тихую беседу с ветром.

Светлана Костенко
2005

Тухани

Усадьба Тухани, Сандовский район.
На территории села Тухани существовало две усадьбы - дворян Батюшковых и князей Ухтомских. Выстроенная в 1789 году силами прихожан при содействии дворянина Ильи Андреевича Батюшкова церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, возможно, имела первоначально отношение к усадьбе Батюшковых, дом которых в сильно перестроенном виде стоит неподалеку на пригорке.

Усадьба князей Ухтомских появилась в начале XVIII века. Владельцы - представители довольно многочисленного древнего рода, происходящего от Рюрика, - являются младшей ветвью удельных князей Белозерских. Их родоначальником был Белозерский князь Иван Иванович, получивший в удел Ухтомскую волость, названную так по протекавшей через нее реке Ухтоме. Традиционной для рода долгое время оставалась военная служба.

Известно, что усадьбой Тухани в XIX веке владел Максим Семенович Ухтомский, после его смерти имение перешло к его сыну - Ивану Максимовичу. Оба они похоронены в усадьбе, рядом с церковью.

Усадьба Тухани в послевоенные годы застроена жилыми домами, сохранились церковь, главный дом, фрагменты парка. В главном доме располагается школа.

Главный дом и дорожка от церкви

Храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы

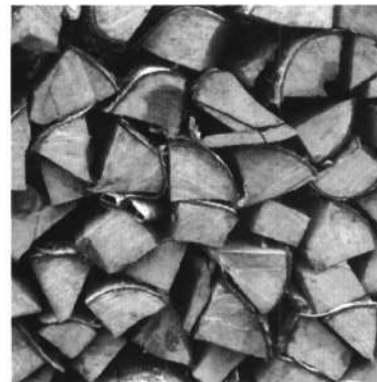
Весьегонский уезд отличается обилием лесов... Среди таких лесов, в высокой холмистой местности, расположено село Тухани. Против села на запад, на самом высоком пункте холма, стоит небольшой, но довольно красивой архитектуры, каменный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, окруженный каменной оградой с железными решетками. Северная половина ограды покрыта прекрасной березовой рощей, которая возникла благодаря разумному обычаю местных прихожан сажать над могилами своих родственников деревцо какой-нибудь лиственной породы как символ воскресения и будущей загробной жизни. Эта рощица является украшением села Тухани, и благодаря ей туханское кладбище производит впечатление мирного уголка, где в летнюю пору, когда все цветет и зеленеет, отрадно отдохнуть от летнего зноя... С южной стороны от церкви, по отлогому склону холма, разрослась великолепная липовая роща, переживающая, вероятно, уже не первое столетие: вековые липы, поседевшие от мха, имеют такие громадные дупла, что в некоторых свободно может поместиться взрослый человек. За рощей белеется дом князя Ухтомского, окруженный плодовым садом и обширным парком. Таким образом, благодаря высокому местоположению и обилию растительности село Тухани по красоте и живописности занимает не последнее место в ряду сел Тверской епархии. Но не менее красивы и окрестности села. С холма, на котором расположена церковь, открывается чудный вид во все стороны. Кругом села лежат поля, резко

ограниченные темнозеленой каймой лесов, которая, чем дальше всматриваешься, все кажется шире и шире и, наконец, как синее облако, сливается далеко с горизонтом. По местам сплошная полоса лесов, переливающаяся различными оттенками зелени, смотря по древесной породе, - прерывается, и в просветах видны соседние деревни, и белеются церкви ближайших сел. На север от села видны деревни, принадлежащие к Туханскому приходу; на запад и на юг от села не видно никаких селений: леса идут сплошной полосой, насколько можно охватить глазом. С этой стороны лежит граница между Тверской и Новгородской губерниями, которая служит вместе границей и для Туханского прихода. Самый ближайший город от с. Тухани - это город Устюжна Новгородской губернии, находящийся в 35 верстах расстояния.

Сельское хозяйство как в Туханском приходе, так и во всем уезде, за отсутствием отхожих промыслов, поддерживается упорным трудом и находится пока еще в удовлетворительном состоянии. Воспетая в русских песнях лучина еще и до сих пор служит почти единственным материалом освещения. В одежде крестьян замечается та же простота: простое деревенское сукно и полотно собственноручного приготовления еще и до сих пор не вытеснены фабричными суррогатами. Русский кафтан и поддевки еще довольно упорно соперничают с немецким пиджаком, а сарафан не хочет уступать своим старинным правам изменчивым произведениям французской моды. Вообще нужно сказать, что продукты городской цивилизации с величайшим трудом проникают в нашу деревню:

Окрестности села Тухани

даже самовар, во многих местах нашей губернии сделавшийся необходимой потребностью почти каждой крестьянской семьи, до сих пор в Туханском приходе встречается сравнительно редко, а лет двадцать назад о нем почти никто не имел понятия... Если житейская обстановка туханских крестьян по причине отсутствия отхожих промыслов серовата и буднична, то нельзя не порадоваться, что влияние столичных городов еще не коснулось нравов туханских жителей и не оказало своего тлетворного действия.

Поэтому в семейных отношениях туханских прихожан особенно выдающихся аномалий не замечается. Случаи нарушения супружеской верности или самовольного раздельного жительства супругов здесь в высшей степени явление редкое, исключительное... К числу добрых нравственных качеств туханского прихожанина, как и большинства жителей Весьегонского уезда, нужно отнести гостеприимство, радушие и доброжелательное отношение к человеку даже

совершенно чужому и притом без всякой корыстной цели. Здесь путник в зимнюю пору, не прибегая к содействию деревенской полиции, всегда найдет себе приют в любой избе, будет обласкан и обогрет и, если сбился с пути, - выведен на дорогу. Среди весьегонских жителей сохранились старинные обычаи, обнаруживающие братское, доброжелательное отношение к ближнему, к сожалению, во многих местностях давно уже исчезнувшие. Наш крестьянин не пройдет мимо работающего, не сказав: «Бог помощь», спутника он приветствует восклицанием: «Мир дорогой» и каждому встречному приветливо снимет шляпу...

О благочестии туханских прихожан свидетельствует также обилие часовен, которых в приходе насчитывается пять: в дер. Ольховце, дер. Матвейцове, дер. Сыропятаве, дер. Подберезье и наконец в селе Тухани. Впрочем, туханская часовня, посвященная памяти св. апостолов Петра и Павла, находится не в самом селе, а в одной версте от него, на земле князя Ухтомского. Она построена из

*Был. Изъял, ковры, несколько
фарфоровых вещей и голову лося.
Есть парк.*

Зав. Весьегонским музеем

А. Виноградов

1919 год

дерева на берегу маленькой речки Любушки, над ключом с прозрачной и всегда холодной, как лед, водой, которая по желобу постоянно струится из-под часовни. В полу часовни устроен люк, чрез который ежегодно в день св. апостолов Петра и Павла совершается освящение воды в источнике. Этот день особенно торжественно празднуется в Тухани, так как в часовню совершается крестный ход, установленный, вероятно, со времени освящения ея. Когда и по какому случаю построена та или другая из поименованных часовен, сведений не сохранилось, в клировой ведомости время построения часовен отмечается обыкновенно кратко и неопределенно: «Построена издавна». Невозможно также определить с точностью и время возникновения в селе Тухани благочестивого обычая совершать крестный ход кругом всего села в Ильинскую пятницу.

Местные старожилы утверждают, что крестный ход кругом села установлен вследствие пожаров, не раз случавшихся в селе Тухани...

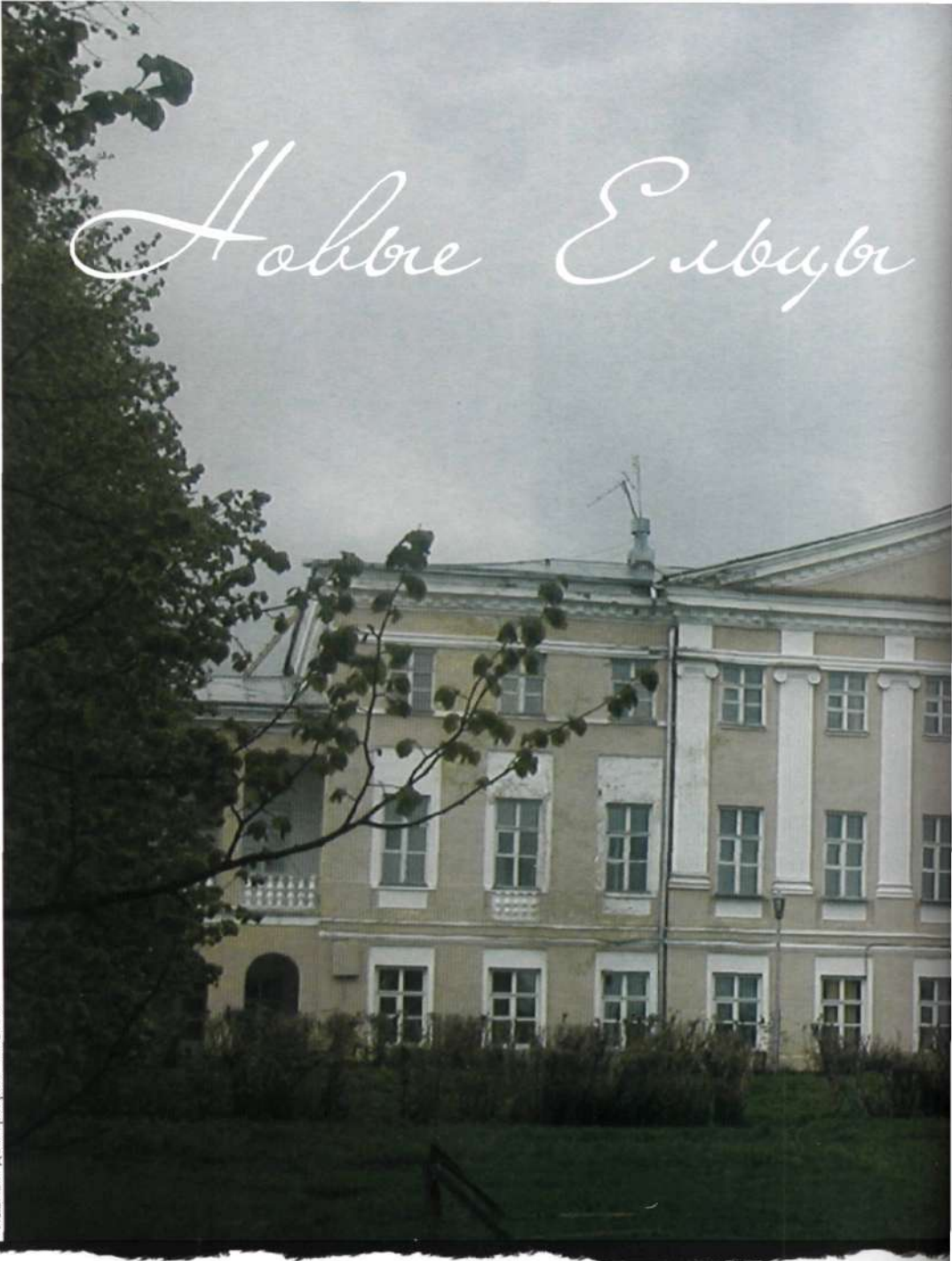
Священник Алексей Ушаков

1903

Новые Ельцы

Главный дом графов Толстых

Усадьба Новые Ельцы расположена в Осташковском районе. Озеро Селигер окружает усадебный комплекс с трех сторон.

Владельцы усадьбы Новые Ельцы Толстые - отдаленная ветвь семьи графов Толстых, ведущих родословную от легендарного Индриса, выехавшего в Чернигов из немецких земель в XIV веке. Потомок Индриса, получивший от Великого князя Василия Темного прозвище Толстого, считается

основателем графской и дворянской фамилии Толстых. В XVII веке Толстые получают земли на Селигере. В 1791 году в Ельцах родился Яков Николаевич Толстой - старший из трех сыновей осташковского предводителя дворянства Николая Яковлевича Толстого. Яков Николаевич - воспитанник Пажеского корпуса, участник Отечественной войны 1812 года, поэт. Он был членом петербургского общества «Зеленая лампа», на одном из заседаний которого

познакомился с А.С. Пушкиным, ставшим на недолгое время его близким другом. С 1823 года Я.Н. Толстой жил в Париже, где и умер в 1867 году. Архитектурно-парковый ансамбль усадьбы Ельцы начал создаваться во второй половине XVIII столетия, наиболее ранним из упомянутых в архивных источниках сооружений является не сохранившаяся Вознесенская церковь, построенная по заказу генерал-поручика Якова

Ивановича Толстого в 1774 году. Географ и путешественник, член Петербургской академии наук Н.Я. Озерецковский в 1814 году так описывал имение Ельцы: «Село Ельцы господ Толстых, при коем церковь богатая каменная, дом каменный о трех этажах, полотняная фабрика на 70 станках, кожевенный завод. На фабрике... ткут и приготавливают белием ревендук, фламское полотно и парусину... Тут был прежде всего

театр, музыка духовная и роговая, певчие и перевоз на противоположную сторону». А в конце XIX века один из путешественников по Селигеру писал: «Пароход приближался к имению Ельцы... с церковью и большим барским домом... Вон впереди виднеется дом, так разве только одно Юсуповское имение с ним может сравниться. Было Толстых, теперь Сафонова... И чего только в этом доме не было: и театр и тюрьма для крестьян... и зала танцевальная, точно

церковь, в два света, а наверху хоры. А сад... какой только чертовщины там нет...»

Сегодня в усадьбе расположен дом отдыха «Селигер», сохранились почти все усадебные постройки, пейзажный парк.

Окрестности усадьбы Новые Ельцы

А вот деревня Новые Ельцы.
И Селигер, через края налитый.
Мужик ведет лошадку под уздцы,
И тихо дремлет, всеми позабытый,
Старинный дом, что в позапрошлый век
Был как явление северной столицы,
Оттуда совершивший свой побег.
Ну чем не Зимний? Та же красота,
Гармония и блеск архитектуры...
И рядом - целомудрие натуры,
Написанной как с чистого листа

Тамара Карякина
2005

Парк в имении Новые Ельцы

Озеро в усадьбе

*И рядом - целомудрие природы,
Написанной как с чистого листа.*

Тихо, снова тихо.

В мире снова тихо.

Тишина слышнее трепетных шагов.

Пусть с холста из рамы

Конь промчится лихо,

Ополчась гневно на моих врагов.

Сказка или правда?

Было или небыль?

Радость видеть звезды с шаткого крыльца.

Я давно у солнца в сновиденье не был.

Оборвалась сказка,

Сказка без конца.

Братково

Усадьба Ивановское-Ермолаевых расположена в селе Братково Старицкого района на старом тракте Старица - Осташков. Нынешнее село Братково имело ранее название Ивановское и принадлежало в начале XIX века Ермолаевым. При имении была и деревня Братково, относящаяся к приходу села Ивановского. В 1804 году на средства помещицы Анны Николаевны Ермолаевой была построена каменная церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа с приделом во имя Тихвинской Божией Матери. К середине XIX века поместье

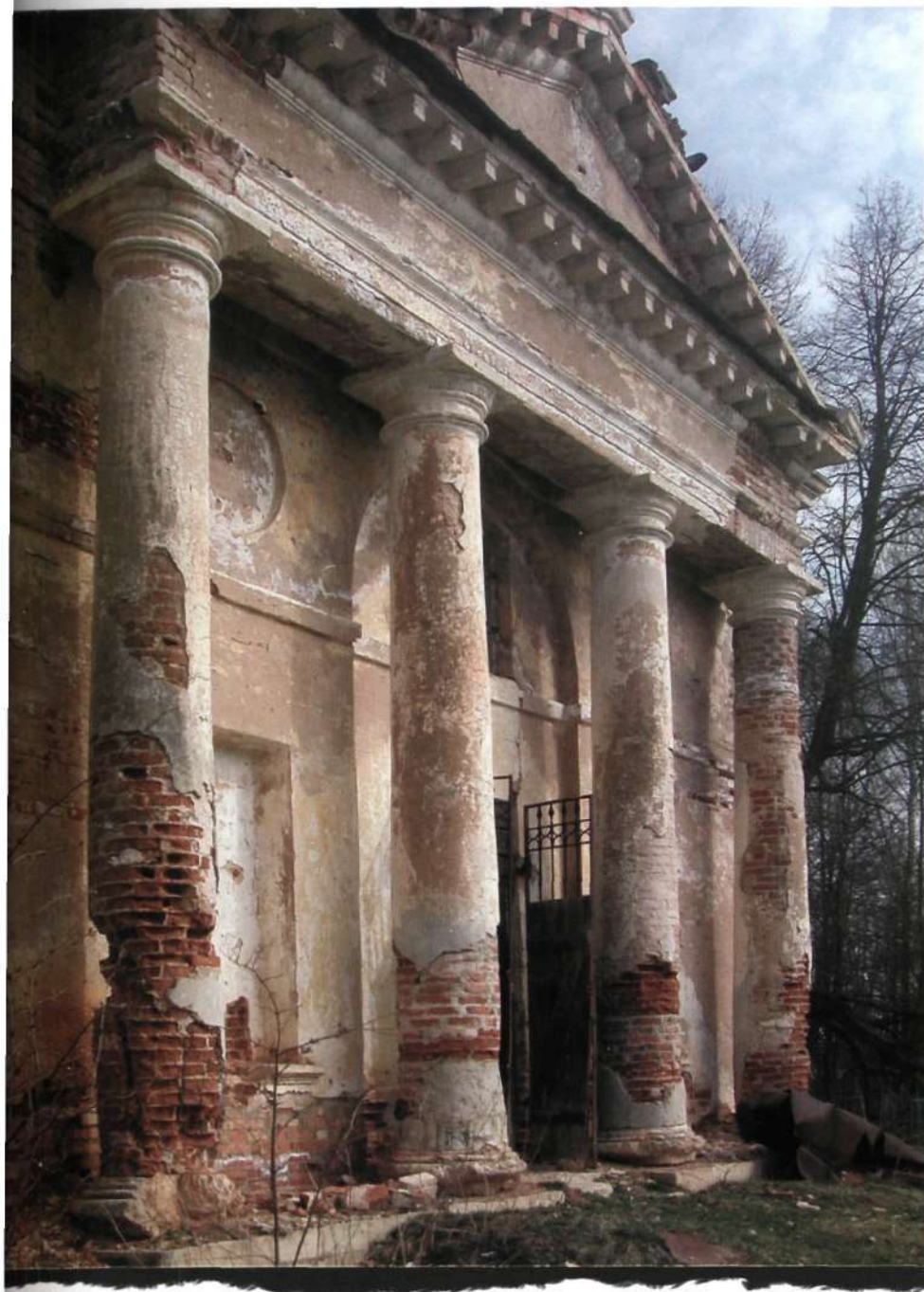
принадлежит генерал-майору Федору Гавриловичу Головину и его сыну Константину Федоровичу (в будущем писателю-беллетристу). В описании имения 1858 года сказано, что господская усадьба находится «на тракте из города Старицы в Осташков». В селе имеются молотильные и веяльные машины, а также сыроваренный завод. После Константина Федоровича Головина усадьбой владеют Образцовы, которые, вероятно, и были последними владельцами. Краевед и издатель Иван Петрович Крылов в 1915 году так

описывает имение: «... Дом ... хотя находится не в должном порядке, но все-таки, со стороны имеет красивый вид. Возле него расположен прекрасный парк, который теперь несмотря на запущенность невольно чарует всех. Село небольшое, но довольно красивое, и оставляет очень хорошее впечатление у случайного проезжего». Сегодня из построек усадьбы в селе Братково можно увидеть церковь и дом управляющего, в котором располагается музей, а также небольшой усадебный парк с каскадом живописных прудов неправильной формы.

Лестница из белого камня в интерьере храма

Я на тебя гляжу издалека -
 Черты за далью стерты и нерезки,
 И временем давно размыты фрески,
 Где лишь намеком - мастера рука...
 О старина, сквозь наслоений ложь
 Как крепко ты нас за душу берешь...

Тамара Карякина
 2005

Пруды в парке усадьбы

Южный фасад главного дома

Масальское

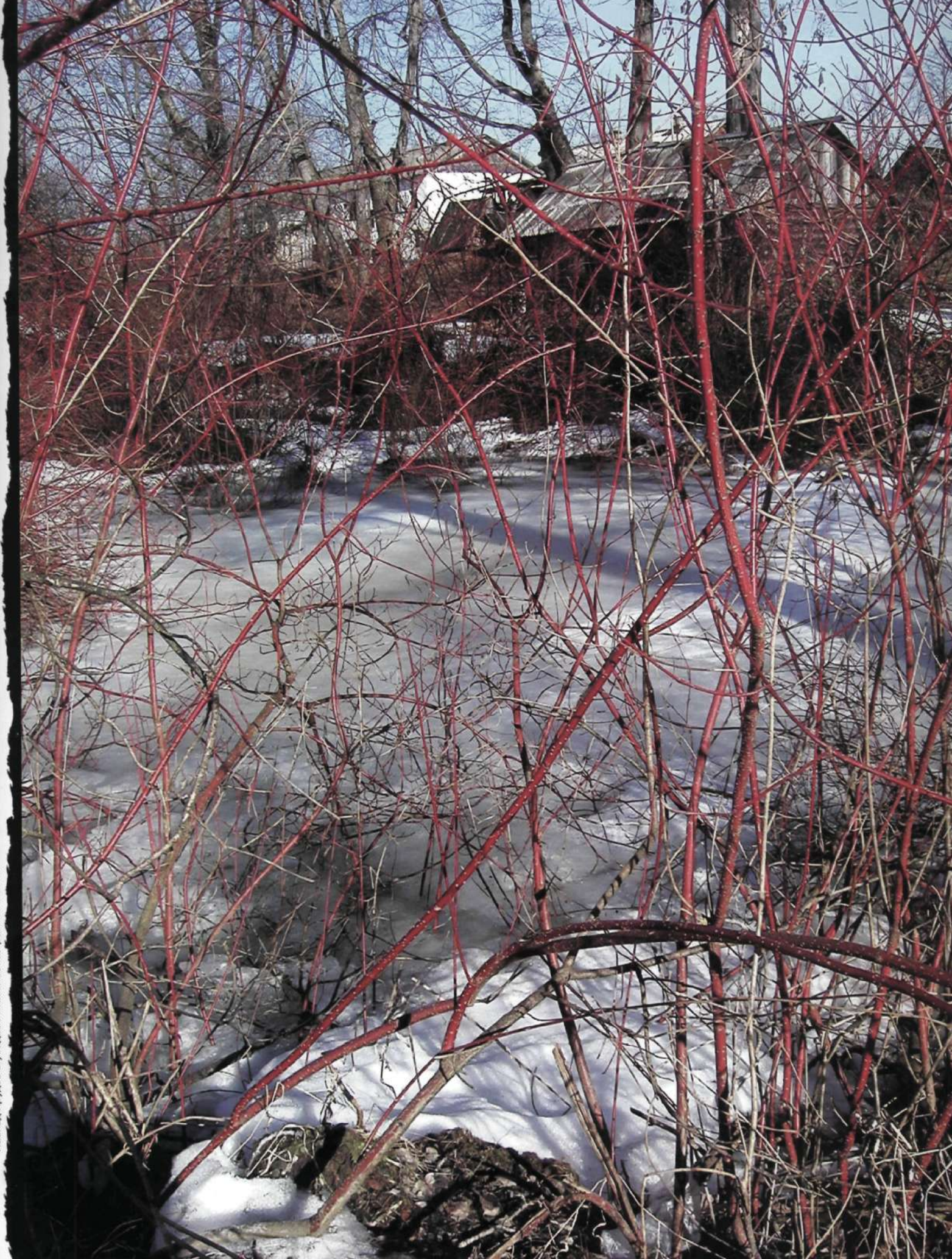
Усадьба Масальское, Ржевский район. Расположена в месте впадения реки Иружи в Волгу. В середине XIX века «сельцо Масальское при ней пустоши Щербинкино, Кошкино... деревни Максаково, Столыпине» принадлежали Анне Яковлевне Пащенко и ее мужу штабс-капитану артиллерии Николаю Львовичу.

При усадьбе находилась «водяная о четырех поставах мельница, обмалывающая для крестьян и для собственного обихода».

На территории усадьбы сегодня можно найти кирпичи с клеймами ПАП.

Главный дом усадьбы сильно разрушен, сохранились аллеи парка и остатки лестницы, мельница на берегу Волги.

Аллея парка от главного дома к Волге

Бледнеет ночь.
Туманов пелена
В лощинах и лугах становится белее,
Звучнее лес,
Безжизненной луна
И серебро росы на стеклах холоднее.
Еще усадьба спит... В саду еще темно,

Недвижим тополь матово-зеленый,
И воздух слышен мне в открытое окно,
Весенним ароматом напоенный...
Уж близок день, прошел короткий сон -
И в доме тишины не нарушая,
Неслышно выхожу из двери на балкон
И тихо светлого восхода ожидаю.

Константин Бальмонт
1888

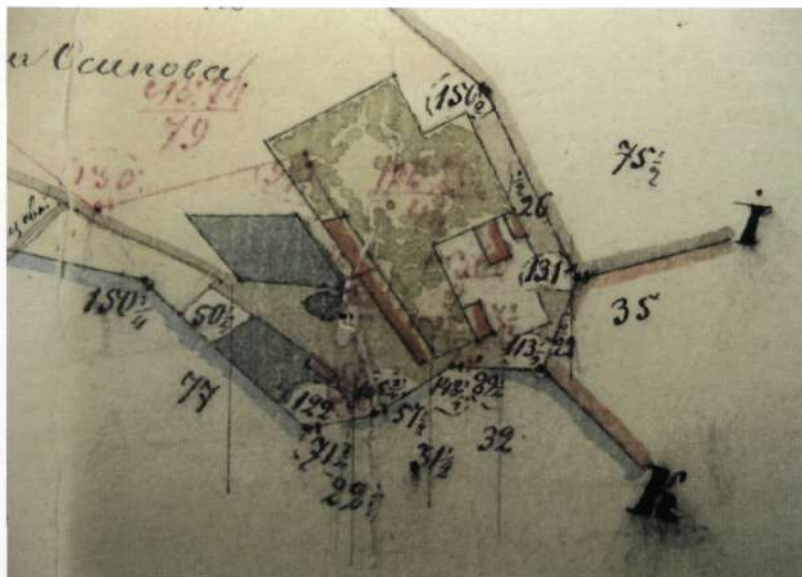
Клейменный кирпич с инициалами П.А.П.,

Фасад барского дома в сторону Волги

*На территории
усадьбы сегодня
можно найти
кирпичи с клеймами
П.А.П.*

Геометрический специальный план второй части села Осипова. 1855 год

Осипова

Усадьба Осипово, Торжокский район. Владельцы села Осипова в XIX веке - дворяне Москвины и Васильевы. В середине XIX века земля Москвиных поделена между двумя детьми - одна часть принадлежит «девице из дворян» Марии Федоровне Москвиной, другая - подпоручику Ивану Федоровичу

Москвину. По описи имения в 1852 году при оформлении займа упоминается «при селе Осипове господский одноэтажный деревянный дом со службами».

В 1851 году при приходской церкви села Осипова во имя Покрова Пресвятой Богородицы в имении Ивана

Федоровича Москвина было устроено училище «для поселянских детей, на религиозно-нравственном основании, в коем обучается тридцать четыре мальчика...»

Еще одна усадьба в селе Осипове принадлежала семье поручицы «Марье Ильиной Васильевой» и ее детям - Илье,

Михаилу и Василию.

В 1859 году имение Васильевых было выставлено на аукционный торг, а в 1860 году та же участь постигла и имение Москвиных.

Примечательно, что имение Васильевых в 1881 году приобрел «на публичном торгу» крестьянин деревни Городок

Алексей Федорович Ермаков «в сумме шестисот одного рубля серебром», а в 1920 году оно перешло к его сыну, Алексею Алексеевичу.

27 мая 1925 года в особой губернской комиссии рассматривается дело о выселении из имения бывшего помещика Алексея Ермакова, «...в явно

контрреволюционных выступлениях не замеченного, но личность подозрительная и как таковая не выяснена...»

Сегодня в селе Осипове можно увидеть церковь и остатки парка.

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы

*Сегодня в селе Осипове
можно увидеть
церковь и остатки парка...*

А я глаза зажмурю и увижу
сквозь кружево цветущих буйно вишен
то, как степенно движется народ:
в селе вершится чинно крестный ход.
Сияет храм от маковок до паперти,
и имя Господа у всех на языках,
и светел чистый образ Богоматери
с младенцем ясноликим на руках..

Тамара Карякина
2005

Кладка строений хозяйственного двора

Покровское

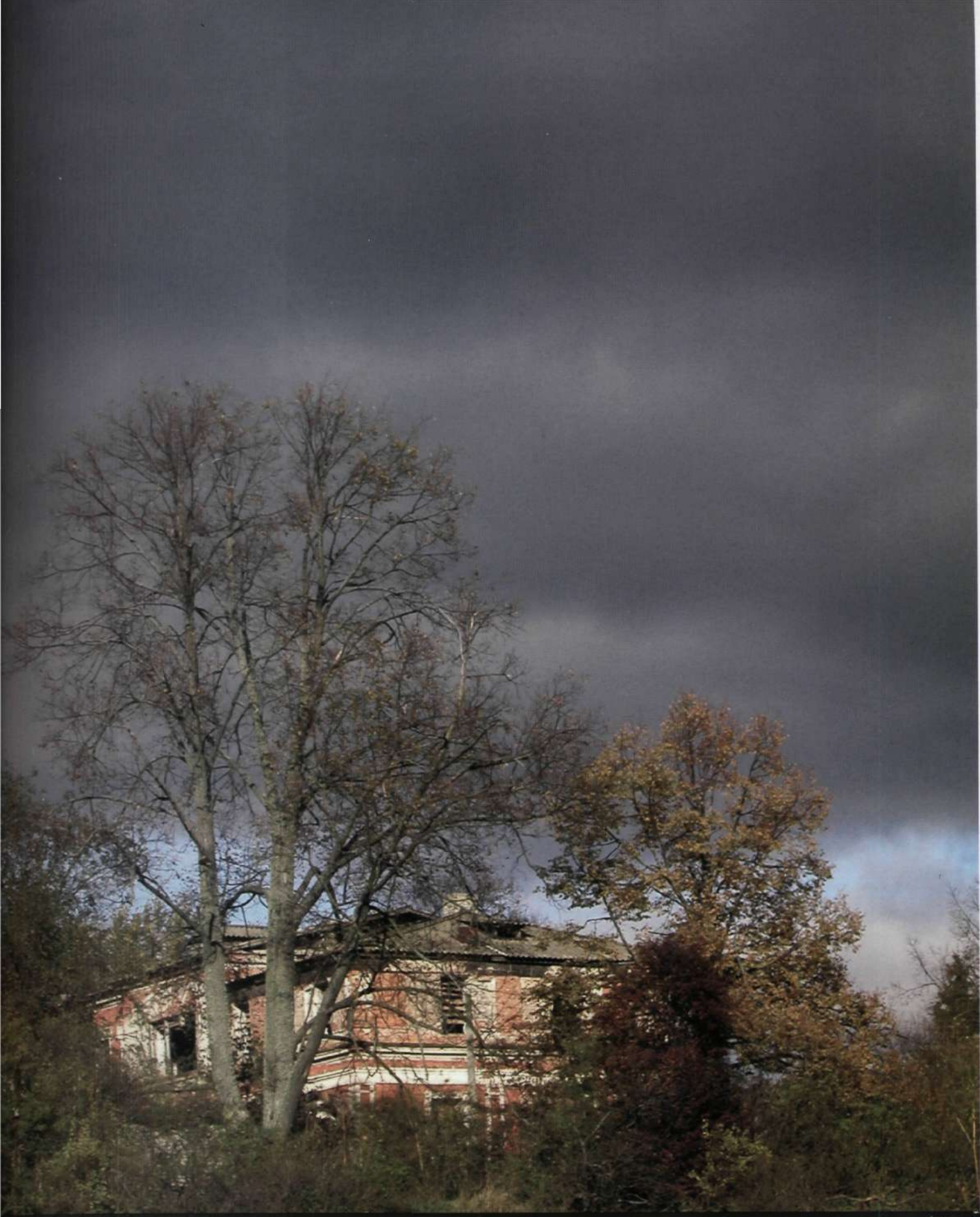
Усадьба Покровское, Осташковский район. Расположена на озере Селигер, в нескольких километрах от Осташкова, Большая часть земель вокруг Селигера, в том числе и деревня Покровская, в конце XVIII века принадлежала семейству помещиков Толстых. Впервые упоминается в документах со второй половины XVIII века: «Деревня Покровская (3 двора) Надворного советника Николая Яковлева сына

Толстого... с селениями и дачею при озере Селигер... лес дровяной березовый и ольховый, крестьяне промышляют хлебопашеством и рыбной ловлей...»

В начале XIX века усадьба Покровское переходит к Казиным. Владелец Дмитрий Нилович Казин, строивший главный дом усадьбы, был по линии жены в родстве с графами Голенищевыми - Кутузовыми,

До революции усадьба сохранялась в семье Казиных. Последний ее владелец штабс-капитан гвардии Дмитрий Алексеевич Казин был участником X съезда уполномоченных дворянских обществ в 1913 году в Санкт-Петербурге.

Сегодня в усадьбе сохранились главный дом, комплекс хозяйственного двора и пейзажный парк.

Вид от озера на главный дом

Озеро Селигер

Аллеи парка усадьбы

*И - ни живой души
Среди аллей
заброшенного парка.*

Еще одно дворянское гнездо -
Как все, не избежавшее разора
В годину всероссийского позора
В семнадцатом. Какою бороздой
Перепахали красоту Отчизны!
Дворянский дом с немою укоризной
Глядится в озеро. И - ни живой души
Среди аллей заброшенного парка.
Покровская особенная галка
Озерные взлюбила камыши.
О сострадатель! Тенью появись
На кладбище истории России,
И сделав Русь и чище, и красивей,
Впервые и без памяти влюбись.

Тамара Карякина
2005

Озеро Селигер

Первитино

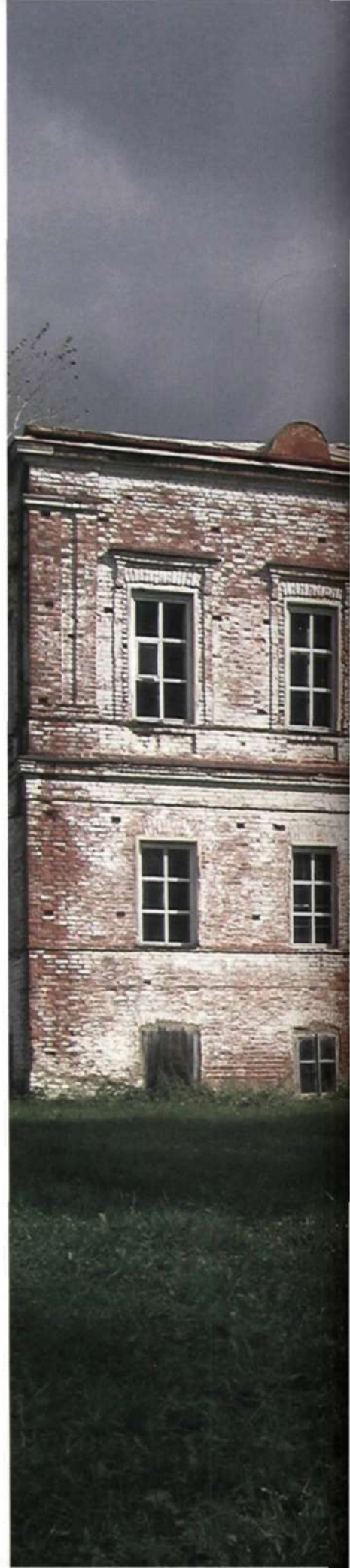

Село Первитино
Лихославльского района
вытянулось с запада на восток
вдоль высокого левого берега
реки Кавы.

В середине XVIII века эти земли
принадлежат помещикам
Шишковым. Впоследствии по
завещанию Александра
Федоровича Шишкова имение
переходит в семейство
Хвостовых. В 1794 году в
восточной части села была
выстроена Троицкая церковь.
В начале XIX века усадьба
принадлежала Николаю
Петровичу Хвостову. Николай
Петрович был очень крутого
нрава, о чем свидетельствуют
многочисленные документы и
жалобы на него не только
крестьян, но и собственных
детей, которых он лишил
наследства.

Поместьем Хвостовы владели до
Октябрьской революции. Ко
времени принятия на учет
губернским земельным отделом
усадьбы для устройства там
советского имения в 1919 году
последний владелец, Дмитрий
Николаевич, уже умер.

В главном доме усадьбы
Первитино расположена
общеобразовательная школа,
сохранились фрагменты парка и
комплекс Троицкой церкви.

Главный дом усадьбы

Башенка ограды комплекса Троицкой церкви

Геометрический специальный план первой части села Первитина.
1876 год

Бывает же - занесет судьба туда, где, казалось бы, и жизнь уже вчера закончилась, да выкинет с тобой неожиданный фокус.

...Шла, шла и остановилась. На храм с колокольней набрела. Окна, правда, заколочены деревяшками, а все равно красив. Луг перед храмом, трава по пояс. Цветы полевые - все такое трогательное - сердце щемит. И извечный вопрос: почему окна в храме должны быть заколочены? Почему колокольня без колоколов?

Вопросы есть, ответов нет.

И кому помешало, что в этой деревне малиновый звон раздавался? Старушки, что доживают здесь свой век, воскресным утром, повязав чистенькие платочки, отправляются на утреннюю службу. А там сельский священник, отслужив молебен, читает им

проповедь о добре и любви, о жизни вечной, о помощи ближнему: «Господь питает чудесно не только души, но и тела приходящих к нему. Чудеса Божии на земле явны и непрестанны. Они открыты тем, кто ищет слова Божия, ищет истины».

Глядишь, и подобрели глаза, и боль отступила, и жизнь сельская стала уже не такой унылой.

Мысли, мысли. Размышляю, а сама дальше иду по траве нескошенной. Дом впереди, о десяти окнах по фасаду, двухэтажный, правильный такой, симметричный. Только тоже дверь заложена и света нет. Похоже, ступеньки раньше были, остались только пилястры на фасаде, что, видно, крыльцо венчали. А перед домом площадка - партер по-старому.

Спрашиваю местных жителей: чей дом был?

Не помнят, что за барин жил здесь, только, видно, серьезный хозяин.

Подошла к дому. Кое-где на фасаде облупилась штукатурка, обнажив красный кирпич.

Который раз ловлю себя на мысли, что, при взгляде на старую кирпичную кладку, на торчащие кое-где чугунные гвозди - те, старые, неизменно возникает одно и то же чувство теплое, трепетное - то ли к стене этой, то ли к тем, кто так бережно и грамотно ее выкладывал, что стоит до сих пор, несмотря на все испытания.

Прикоснулась - тепло, как будто все еще живо. И вдруг шальная, неизвестно откуда взявшаяся мысль: «Ну вот я и дома?!» А может быть, я жила здесь в какой-то другой жизни? И слезы в глазах.

Что это? Не объяснить. Даже себе самой...

Каринэ Конюхова
2005

Весна медленно переходит в лето. Цветут сады.

И кажется, цвести им тяжело и больно.

Только в старом городе еще чувствуется счастливая пора.

Но рушится мир, чудом сохранившийся вместе с

последними людьми, родившимися в прошлом веке.

Тогда, при их жизни, радостью были белые облака

цветущих яблонь, вишен, слив в старых садах,

Думаю, что не только красота оставляет землю, но и еще

что-то значительное, что помогало людям жить, любить,

веровать, молиться. Уходит. Но не уйдет, пока...

Доманиха

Усадьба Доманиха расположена в Лихославльском районе. Неподалеку протекает речка Тресна.

Усадьба принадлежала семье Дивовых. Фамилия Дивовых начало свое ведет от выехавшего в 1408 году «к Великому князю Василию ... храброго французского воина Гаврила Дивоша, коего потомки Дивовы служили российскому престолу воеводами и жалованы... поместьями».

В конце XVIII века деревня Доманиха состояла «в даче сельца Стречкова с деревнями и пустошью» Алексея Гавриловича Дивова. По специальному размежеванию 1846 года за штабс-капитаном Борисом Алексеевичем Дивовым записано поместье с господским деревянным домом и несколькими деревнями, в том числе деревней Дивовкой, что в трех верстах от Доманихи.

В середине XIX века одна из дочерей Дивовых - Марья Борисовна - выходит замуж за одного из сыновей Ермолинских, и молодые селятся в Доманихе.

В это же время в усадьбе Дивовых строятся хозяйственные службы.

Усадьбы переходили по наследству до революции, в 1918 году помещики - Николай Николаевич Ермолинский с семейством - были выселены из поместья, несмотря на ходатайство жителей села Доманихи. За семейство Дивовых заступились местные жители, и 65-летняя помещица была оставлена проживать в доме. Земля была конфискована.

В усадьбе Доманиха сегодня сохранились два флигеля, хозяйственная постройка и остатки парка.

Строения хозяйственного двора

Бывшая помещица, а с недавних пор гражданка Дивова никак не могла избавиться от «вредных привычек». Сотворив вечернюю молитву, со свечой в руках обошла молчаливый дом. Зашла к дочери Маше, благословила ее на сон грядущий и двинулась в обратный путь по темному коридору к себе в опочивальню. Она привыкла к одиночеству. Дочь приезжала редко - служила в Твери, а сын работал в Москве и в имении не был уже больше полугода.

Где-то равномерно хлопала сорвавшаяся с петель ставня. Видно, ветер озоровал. Ей это показалось жалким подобием аплодисментов из ее прошлой сценической жизни в роскоши и достатке. Из темноты коридора всплыло зеркало. Она испугалась на мгновение, поднесла свечу. Злое зеркало намекнуло, что имеет она на плечах своих 65 лет. Под ногой скрипнула половица.

- Мама, ты не спишь? Ложись спать.

- Мари, говорят, этот инструктор и у Ермолинских был в Доманихе. Все там облазил. Опись имения

производил. Меня отсюда выбросят? Скажи мне правду! Мне собирать вещи?

- Мама, успокойся, ничего не надо собирать. Иди ко мне. Сядь. Ну что ты плачешь? Считай, что ты защищена. У тебя сын у Луначарского служит!

Дочь закашлялась. Надрывно. Долго.

- Уж не чахотка ли у тебя, Машенька?

- Мама, мы строим новую жизнь. Бывают и сквозняки. Иди спать, о дурном не думай.

Маша с грустью посмотрела вслед удаляющейся фигурке. Как постарела мама за последний год! Словно и не год прошел. И не поверишь даже, что это та самая оперная певица, блиставшая на сценах Петербурга... Давно - в молодости - променяла она сцену на жизнь с молодым влюбленным мужем в Стречкове, приюте спокойствия, любви и верности. От прежних дней в памяти остались только редкие вечера в Доманихе, когда из барского дома, из открытого окна, в сиреневые сумерки вплетался дивный, чистый, прозрачный женский голос. Жизнь останавливалась. Все замирало вокруг. Этот голос,

казалось, снисходил с небес на землю, дабы взять на себя все грехи и унести их с собой в небо, ввысь. И замереть там, на самой высокой ноте. Пела молодая помещица Дивова, а маленькая Маша так гордилась мамой, и больше всего хотелось ей вырасти и стать похожей на нее... Она и сейчас гордилась матерью. Сколько пришлось пережить, а мама не унывает. Несмотря на возраст, вся в движении. Все ей интересно. И жизнь новая тоже интересна. Вон крестьянским девушкам платья свои отдала. Спектакли с ними ставит. В сарае для сена, что пустой был, театр сделали. «Русалочку» играли. Так деревенские все плакали. «Шустрая старушка». Вырецких баб да девок вязанью учит. Такие кружева плетут, заглядишься. Кружок у них.

Благодаря этому кружку и оставили маму временно проживать в своем доме, как бы на квартире: «как полезную работницу культурно-просветительной организации в смысле распространения вязального дела». Только зачем ее расстраивать... Временно? А то как же... Все мы живем на этой земле временно, да сроки разные. О ком память сохранится, тот и живет подольше...

Матери тоже не спалось. Вспомнилось, как она с мужем, что теперь на Николо-Ладонежском погосте покой нашел, и детьми часто ездили с визитом в Доманиху. Старик генерал-майор Ермолинский встречал их в полном параде и непременно с «Анной» на шее.

Доманиха была видна издалека. Большой деревянный дом с мезонином, крытый железной крышей и окрашенный веселой зеленой краской тоже встречал их с радостью. Свекровь - штабс-капитанша Варвара Васильевна Дивова - всегда заказывала из этого сада яблок ей привезти. Яблонь там и впрямь было много, и Дивовы уезжали от

Ермолинских с полными корзинами.

...Помещица Дивова распахнула окно в сад. Апрельская ночь девятнадцатого года была теплой и безветренной. Весенний воздух свеж и прозрачен. Какая она помещица? Никогда ею и не была собственно. Разорила своего Николушку. Хорошо, что он не видит, сколь невзрачны стали постройки. Совсем развалились. 200 десятин земли, что ранее принадлежали им, - теперь у крестьян в равных долях, а те 14, что под именем, - вырецкий кружок крестьянской молодежи испрашивает. Хорошие ребята. Да пусть все забирают. Не жалко. Она не будет скорбеть, как мать Ермолинского. Ветер революции все смешал. Затянул в воронку. Барахтаются в ней Ермолинские. И отец и сын Пажеский корпус кончали в Петербурге, один генерал-майор, другой штабс-ротмистр, дворяне, православные. Оба с «Аннами», у одного I, у другого III степени. Отец служил царю и Отечеству. Сын - царю, Отечеству и революции. Один сейчас учитель Толстиковской школы. Живет на жалование. Другой - учитель Капищевской школы. Как дочь сказала: «Мы строим новую жизнь»? Они молодые, им виднее...

Светает... Так и прошла ночь без сна.

- Что день грядущий нам готовит? - Это голос сына из соседней комнаты справа. Когда он приехал, мать и не слышала. Видно, Тверскую губернию должен посетить Луначарский, коль сын здесь. Из комнаты слева глубокое меццо-сопрано дочери Марии тронуло душу любимым романсом «В час роковой...»

Просыпался новый день. Каким он будет?

Наина Хонина
2005

Щербово

Главный дом усадьбы летом

Усадьба Щербово расположена в Торжокском районе на реке Осуге. По геометрическому специальному плану 1777 года «...селцо Щербово с пустошами... состоит во владении надворной советницы Авдотьи Никитиной дочери Шишковой». Изображенный на нем дом, судя по расположению, упоминается в более поздних документах как «старый дом», который был включен в усадебный комплекс и перестроен под флигель.

Существующий главный дом усадьбы Щербово был выстроен отставным гвардии прапорщиком Петром Ивановичем Бутеневым для своей дочери Аграфены Петровны, впоследствии вышедшей замуж за Николая Тимофеевича Повало-Швейковского. Их сын, Тимофей Николаевич, после выхода в отставку в 1863 году в чине поручика, поселился в Щербове и всерьез занялся перестройкой и обустройством имения.

В 1864 году он строит винокурный завод, который будет работать и после революции и закроется только в 1919 году.

22 мая 1868 года в Троицкой церкви усадьбы Премухино состоялось венчание Тимофея Николаевича и Ольги Николаевны Бакуниной, дочери Николая Александровича Бакунина. Ольга Николаевна также принимала активное участие в обустройстве имения. Их дочь, Надежда Тимофеевна, после

замужества княгиня Кропоткина, оставила после себя написанные живым языком замечательные воспоминания, которые очень ярко описывают не только усадьбу Щербово периода конца XIX века, но и жизнь дворянства того времени. Яркие личности матери и отца, круг «бакунинских» вольнодумцев, с внуками которых она росла, дедушка Николай Александрович Бакунин, живший некоторое время в Щербове, - все это не могло не воспитать в ней

активной жизненной позиции. Ее муж - Михаил Александрович Кропоткин, племянник Петра Алексеевича Кропоткина, анархиста, проживающего после побега из-под ареста за участие в революционном кружке «чайковцев» в Англии.

С 1903 года, после возвращения супругов Кропоткиных, прервавших учебу в Женевском университете, в Щербово, родовая усадьба Повало-Швейковских стала «опасным

революционным гнездом», через которое шла нелегальная литература. Вплоть до революции имение принадлежало Кропоткиным. Имение было национализировано в 1919 году.

Сегодня в главном доме усадьбы живут несколько семей, сохранились хозяйственные постройки, бывший винокурный завод, остатки парка вдоль реки и несколько погребов на парадном дворе.

Река Осуга

Рано утром меня будила Аннушка, няня, со словами: «Посмотри-ка в окно!» Я в одной рубашке бросалась к окну и с восторгом видела, что весь двор заставлен нашими подводами, по двору расхаживали наши рабочие, а у каретника возвышается огромный рыдван с порыжелым верхом, который должен был нас доставить в Щербово. Действительно, через какой-нибудь час весь дом превращался в полный хаос, среди которого я наслаждалась несказанно. Что могли возить каждую весну в Щербово и обратно на 15 подводах, я не могу теперь представить, но тогда возили, и все находили это естественным. Хлопали двери, по дому тяжело топали мужики, везде было набросано сено, наконец все готово, и обоз движется, а мы садимся завтракать с тем, чтобы ехать следом.

Наконец, мы все размещаемся в коляске: и мама, и Коля, и бабушка Аграфена Петровна, и Аннушка, и я на козлах рядом с Борисом - это особое удовольствие, и мы движемся.

После 4-часового путешествия мы проезжаем лесок, спускаемся под гору, и показывается Щербовский дом, окруженный большими, еще голыми деревьями, и наш рыдван вползает на широкий двор. Я кубарем сваливаюсь с козел и лечу по лестнице, одним духом обегая все комнаты, чтобы посмотреть, все ли осталось по-прежнему в нашем милом верхе. Завтра можно чинно идти к бабушке, а сегодня надо посмотреть все уголки в доме, на дворе, в конюшне.

Новый Щербовский дом был построен в 30-х годах прошлого столетия моим прадедом Бутеневым для своей дочери Аграфены Петровны,

Геометрический специальный план сельца Щербова. 1777 год

которая вышла замуж за моего деда Повало-Швейковского.

В Щербове был еще старый дом, уже на моей памяти почти развалившийся, часть его потом была отремонтирована, и в ней сначала помещалась кухня, а потом это был уже простой флигель.

Вся усадьба была размещена под горой, на самом берегу реки Осуги. Дом стоял так близко к реке, что его отделяла от нее только площадка с цветниками и дорожка, обсаженная розами, спускавшаяся каменной лестницей на липовую аллею, тянущуюся уже по самому берегу. Парк был расположен узкой полоской вдоль реки и недалеко от дома переходил с левой стороны в болотистые лужайки и заросли. Раньше в нем были только большие деревья, особенно старые серебристые тополя, но мама, как только поселилась в Щербове, начала его усиленно

засаживать. Эта часть парка была очень густой, в некоторых местах были непролазные заросли кустов, в которых водилась масса птиц, а на больших лиственныхниках - белки.

Самый дом был построен так основательно, что до сих пор не только годы, но и сама революция не могли его сокрушить. Стоит он на высоких сводах, кирпич в полуторааршинных стенах слежался так, что представляет сплошную массу, которую не взять даже ломом. Балки из мачтовых сосен до сих пор еще поддерживают массивную крышу, и кажется, еще целы колонны двух крылец, выходящих на двор.

Кругом дома были расположены службы, все тоже каменные флигеля, выездная конюшня - все же хозяйственные постройки стояли довольно далеко от дома, вытянувшись вдоль берега реки, за парком с правой стороны дома. С другой стороны,

Старые липы старого парка

уже на пригорке был фруктовый сад, большая еловая аллея и часть хозяйственных построек.

Рассказывали, что мой прадед построил усадьбу на таком странном месте вопреки желанию домашних, которые настаивали, чтобы она была построена на горе, и сделал это исключительно для того, чтобы лошадям не было тяжело возить воду в гору.

Само имение Щербово было небольшое, около 150 десятин пашни, расположенной сразу за усадьбой, а все остальное под лесом. Леса были отличные - старые березовые, а с левой стороны реки - небольшой кусок старого соснового леса с огромными соснами, это был самый близкий лес от дома. Пока была жива бабушка Аграфена Петровна, всем домашним обиходом заведовала она, мама же

была занята нами, детьми, и садом. Здесь бабушка, не имевшая пристрастия к растениям, предоставляла ей полную свободу, и мама пользовалась всяким свободным уголком, чтобы сажать кусты, деревья и цветы. Впоследствии, когда все это подросло, вокруг дома получилась густая заросль, и весь дом утопал в зелени. Бабушка жила в Щербове круглый год и занимала весь низ, состоявший из 7 больших, но довольно низких комнат. Помню ее комнату с лежанкой, большим диваном, на котором она сидела перед круглым столом, такая важная в широком шелковом платье, всегда с вышиванием в руках. Недалеко от стола стоял представлявшийся мне чем-то необыкновенным комод, из него мне разрешалось, когда я приходила к бабушке, вынимать и

Винокуренный завод

рассматривать разные интересные вещи. Он был полон необыкновенными табакерками, флаконами, бисерными кошельками, веерами. Я бережно вынимала вещи, а бабушка рассказывала мне историю каждой из них. Когда вещи были в сотый раз пересмотрены, они убирались в комод и меня поили кофе, его варила в особой комнате, называвшейся «кофешенной», сердитая и тоже очень важная бабушкина горничная Мавра. За бабушкиной комнатой была довольно большая комната, выходившая окнами на террасу, завитую диким виноградом, и поэтому полутемная; здесь помещалось нечто вроде домашней церкви. Эта комната называлась образной. Она вся была заставлена киотами и завешана образами с черными ликами святых, перед которыми горели

лампады. Эта комната наводила на меня ужас. На нашей половине образов совершенно не было, потому что мама, воспитанная своими дядюшками Бакуниными, не признавала никаких обрядностей. У нее был свой бог, которого она чувствовала где-то в лесу, поле, но отнюдь не в пахнущей ладаном мрачной образной.

Столовую я хорошо помню в день именин бабушки и весенний праздник Аграфены Купальницы. Все утро этого дня я в обществе конюхов, и кучеров, и горничных проводила на берегу реки, протекавшей против нашего дома, любясь, как всех выходящих в этот день баб и девок деревни, расположенной на противоположном берегу, парни тащили и бросали в реку. Было такое поверье, что если не выкупать их

в этот день, то деревню постигнет в этот год несчастье.

К обеду начинали съезжаться гости, их принимали бабушка с тетей. Мама не очень любила эти приемы и оставалась у себя, а я болталась на конюшне с приезжими кучерами, критикуя и разглядывая чужих лошадей. Обед сервировался крайне торжественно, вынималось все старое серебро, стол украшался цветами, подавались вина,

которых мне не давали, горничные ходили в накрахмаленных фартуках, а когда подавалось сладкое и необыкновенных размеров и с удивительными украшениями пломбир, то из-за перегородки выглядывали, следя за производимым впечатлением, мой приятель пьяница повар Харитоныч и экономка М. Ксен. В этот момент даже на лице нашей общей грозы экономки разглаживались вековые морщины, и она, крестясь,

...мама пользовалась всяким свободным уголком, чтобы сажать кусты, деревья и цветы. Впоследствии, когда все это подросло, вокруг дома получилась густая заросль, и весь дом утопал в зелени.

говорила: «Ну слава богу, обед прошел! Только смотри, ты меня не подведи к ужину, старый хрыч», - сейчас же прибавляла она, бросая в сторону Харитоныча злобный взгляд.

Верхний этаж дома был гораздо выше нижнего, окна больше, и вся отделка его гораздо наряднее, чем внизу. В зале и библиотеке были красивые паркетные полы, и во многих комнатах были огромные двери из разноцветного дерева, придававшие им особенно нарядный вид. Из нижних сеней наверх вела широкая светлая лестница. Из верхних комнат был виден двор с выездом на дорогу между двумя каменными столбами и двумя сводчатыми погребками по сторонам. Двор ограничивался с одной стороны выездной конюшней, а с другой - флигелем, который был отремонтирован из остатков прежнего дома.

Обстановка верха носила своеобразный характер, вполне соответствовавший маминому вкусу, да и мне он очень нравился в свое время. Все было приспособлено для удобства детей. На окнах не было ни одной занавески, кроме спальни отца - мама находила, что солнце никогда не может мешать. Стены были беленые, некоторые комнаты были совершенно пустые, в других стояла хорошая мебель красного дерева, ореховая и карельской березы. В зале стояли только рояль и громадный

диван со спинкой посередине, это было наше излюбленное место для возни. Наверху нам позволялось делать что угодно: шуметь, бегать, приводить собак, козлят, даже осла, когда он у меня завелся.

В зале мама как-то устроила для нас целый лес. Как-то отец уехал за границу, и мы остались в Щербове до поздней осени. В это время рубили молодую сосновую заросль под разделку поля. Мама плакала над этой зарослью и велела привезти 2 воза сосенок в усадьбу. Их вставили в кресты и заставили все залы. Получился настоящий лес. Туда мы запустили птиц и даже ежа.

Папа не всегда жил с нами, он приезжал дня на 2-3, потом опять уезжал в город; мы каждый раз с мамой уходили его встречать далеко от дома, и я пользовалась случаем покататься, когда он сходил и шел пешком, а экипаж отпускал. Когда отец был дома, я ждала, когда он выйдет, чтобы увязаться с ним в поля. Эти прогулки доставляли мне особое удовольствие, он объяснял мне все, что делается и как полагается делать в полях, это было очень интересно. Осенью после Покрова мы таким же способом, как и весной, перебирались в город, но эти переезды совсем не были так веселы, как весенние, - ведь на целые 5 месяцев приходилось расставаться со Щербовом.

Щербово при бабушке Аграфене Петровне.
Княгиня Кропоткина. 1897

Чукавино

Лев, охраняющий раньше парадный подъезд главного дома

Усадьба Чукавино расположена в Старицком районе, на берегу Волги, в 6 километрах от трассы Тверь - Старица.

Первое документальное упоминание о Чукавине относится ко второй половине XVII века, когда оно принадлежит боярам Сытиным. В 1706 году в сельце была построена деревянная церковь. В конце 30-х годов XVIII века дочь Дмитрия Степановича Сытина вышла замуж за прапорщика Петра Романовича

Чоглокова, род которого вел свое происхождение от новгородских бояр, в качестве приданого ей было отдано село Чукавино.

Петр Романович был в родстве с племянницей императрицы Елизаветы Петровны - Марией Симоновной Чоглоковой. Этим отчасти объясняется размах, с которым вдали от столицы в конце XVIII века строилось имение Чукавино. В 1746 году состоялось освящение каменной трехпрестольной

Владимирской церкви, а в 1751 году был построен усадебный дом.

Во второй половине XVIII века строительство в усадьбе прекратилось. После кончины императрицы Елизаветы Петровны Чоглоковы ушли в отставку и поселились в имении.

Дочь Петра Романовича Чоглокова выходит замуж за Сергея Борисовича Волховского, и имение переходит к Волховским, а затем, в качестве приданого дочери Волховских, - к

Великопольским. Сын Надежды и Ермолая Великопольских Иван Ермолаевич - высокообразованный человек, друг А.С. Пушкина, блестящий офицер, игрок, поэт, драматург - после свадьбы поселился в Чукавине и со свойственной ему энергией занялся переустройством имения. Особенно это касалось парка и сада. Для разведения парка пригласили садовника из Швейцарии; из Крыма, с Урала и Кавказа привезли редкие породы деревьев, на

некоторые деревья привили другие породы. Все это наполняло парк разнообразными цветочными оттенками, постоянно меняющимися в течение года. Великопольские владели усадьбой Чукавино более 100 лет, до 1897 года, когда Надежда Ивановна Великопольская вышла замуж за ржевского помещика Николая Андреевича Чаплина. В конце XIX века усадьба модернизируется, особенно это касалось главного дома.

В семье Чаплиных усадьба оставалась до революции, затем была национализирована. Сегодня в усадьбе сохранились главный дом, флигель, церковь, пейзажный парк с прудами, остатки хозяйственных построек.

Усадебный дом

Владимирская церковь

В полях забытые усадьбы
 Свой давний дозируют сон.
 И церкви сельские простые
 Забыли про былые свадьбы,
 Про роскошь барских похорон.
 Дряхлеют парки вековые
 С аллеями душистых лип.
 Над прудом, где гниют беседки
 В тиши в часы вечеровые,
 Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.
 Выходит месяц, нежит ветки
 Акаций, нежит робость струй.
 Он помнит прошлые затеи:
 Шелк, кружева, на косах сетки,
 Смех, шепот, быстрый поцелуй.
 Теперь все тихо. По аллее
 Лишь жаба, волочась, ползет
 Да еж проходит осторожно...
 И все бессильней, все грустнее
 Сгибаются столбы ворот.
 Лишь в бурю осенью тревожно
 Парк стонет громко, как больной,
 Стряхнуть стараясь ужас сонный...
 Старик, жить дважды невозможно:
 Ты вдруг проснешься, пробужденный
 Внезапно взвизгнувшей пилой!

Валерий Брюсов
 1911

Пруды в парке

Рылово

Село Рылово расположено на юго-востоке Калязинского района, на трассе Калязин - Семендяево.

Усадебный дом стоит на правом берегу реки Жабни, парк занимает верхнюю террасу и пологий склон к реке.

Первое упоминание о селе Рылове относится к концу XVIII века, когда оно принадлежало князю Алексею Васильевичу Шахонскому. В селе была Успенская церковь, выстроенная в 1780 году, а также двухэтажный господский дом. На реке Жабне устроена плотина. В середине XIX века крестьяне поручика князя Федора Алексеевича Шахонского «большой частью промышленные, отходят на сторону, многие живут в Москве в хлебниках, в трактирах, в услужении, торгуют игрушками, фруктами. Дома же в своем уезде занимаются валкою сапогов, портным ремеслом, плотничеством, есть между ними печники и каменщики, извозчики, некоторые в малом размере имеют пчел...»

До конца XIX века усадьба передается по наследству в семье Шахонских, а с 1890-х годов переходит в руки дворян Урусовых. Петр Герасимович Урусов - последний владелец имения, В усадьбе сегодня можно увидеть главный дом, остатки подъездной аллеи и фрагменты парка. Церковь сильно перестроена и приспособлена под коровник.

Главный дом

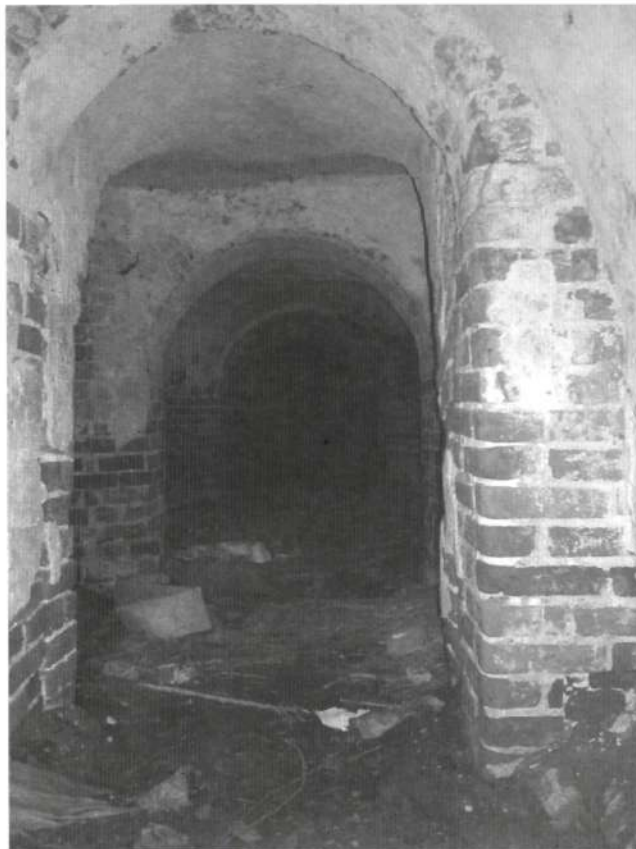
Вид с балкона второго этажа барского дома на село Рылово и окрестности

Дом с мезонином. Белое крыльцо.
Сбегаю вниз ногой нетерпеливой.
А дальше - лес. (Российские оливы.
Картина в раме. Подпись - «Васнецов».)
И - то ли явь, а может быть, мне снится,
что кто-то там таится за стеной,
покорная, вздыхает половица
в той жизни, что случилась не со мной.

Тамара Карякина
2005

*И - то ли явь,
а может быть, мне снится,
что кто-то там
таится за стеной...*

Усадьба Шепели, Кашинский район. Во второй половине XIX века усадьбой владел Павел Павлович Максимович, капитан-лейтенант в отставке. Здесь он поселился вместе со своей женой, Анной Андреевной, дочерью штурманского офицера Андрея Ильича Хлебникова. Скончался Павел Павлович

в имении в 1892 году. Усадьба перешла к старшему сыну, Сергею Павловичу, а в 1920-х годах была национализирована. Павел Павлович был блестящим морским офицером, почетным мировым судьей по Кашинскому уезду, депутатом от кашинского дворянства в Тверском губернском дворянском депутатском

собрании, членом губернской земской управы, был награжден орденом Св. Владимира IV степени, но больше известен как основатель женской учительской школы в Твери, которую, «по докладу Министра Внутренних Дел Высочайше велено называть «Тверскою Женскою Учительскою школою Павла

Главный дом и вековой дуб

Шепели

Павловича Максимовича». В 1901 году по завещанию Сергея Павловича его вдова Анна Дормидонтовна Чижова пожертвовала в губернскую управу 10000 рублей, предназначая их для устройства домово́й церкви при школе П.П. Максимовича. После переговоров

председатель управы получил от вдовы разрешение обратить указанный капитал на постройку нового здания школы при условии постановки в зале большого образа. В 1909 году Тверским губернским земством был построен новый корпус школы на Козьмодемьянской улице.

В усадьбе Шепели сегодня расположен дом престарелых, хорошо сохранились интерьеры главного дома, постройки хозяйственного двора, огромный пейзажный парк и несколько прудов.

Пруды в усадьбе

Говорят, что когда-то этот пруд был чист и прозрачен, как слеза ребенка. Но случилась в далеком отсюда поместье некая любовная история, которая дошла и до наших дней...

Полюбил молодой барин сенную девушку Парашу, не ровню ему. Сказывают, Параша та была красоты неопишуемой, лицом светла, а волосом русым, в косу заплетенным, все окрест приходили любоваться, и правда диво - коса ее по траве за ней тянулась. Вот молодой барин, что и сам-то был хорош да пригож, за косу ту и схватился обеими руками, и началась у них любовь.

Да только прознал об этой любви старый барин. Ох, и строг он был! Разгневался, Парашу за косу русую да в чулан - на хлеб да квас. А барина молодого отутюжил самолично вожжами, чтоб неповадно было с сенными девками амуры крутить, и велел ему, как поправится, в город ехать. А пока слуги его под белы руки еле живого (вот как отходил, даром что сын) в опочивальню свели да там на полу и оставили. Уж больно барина все боялись. Поставили у двери сторожа, чтоб не сбежал.

Но тому, кто любит, двери да боль не преграда: окно есть! Вот молодец ночью в окно-то и

выпрыгнул, видать, крылья любви поддержали, и хоть высоконоcko было, а не расшибся. Пусть сторож там у дверей караулит, а он, крадучись, - к кладовке, приложил свою буйну головушку к дверным доскам.

- Здесь ли ты, сердце мое, Парашенька, жива ли?

- Здесь я, жива, жива, любовь моя ненаглядная, да горькими слезами плачу, тебя не видевши.

- Не плачь, голубушка, я тебя освобожу.

Сломал молодой барин замок, словно игрушка какая пустяшная была, подхватил свою разлюбезную на руки и бежать с ней. Ровно олень молодой. Скорехонько бежал с зазнобушкой на руках, да, видно, от судьбы не убежишь.

Утром в усадьбе хватились: нету пленника, и в погоню!

Молодые хоть скорые, да пешие, а те, кто за ними гонится, - на конях, вот уж совсем было их догнали. Тут беглецам пруд под ноги и бросился... Не раздумывая, взялись они за руки и прыгнули в его светлые воды!

Мгновенно у всех на глазах тиною пруд затянуло и кувшинками, ровно ковром, покрыло. Не нашли ни молодого барина, ни его сударушки. Но поговаривали, что в лунные ночи они рука об руку на берег выходят, и красавец барин молодой для своей любушки кувшинки собирает, а она из них венок плетет да на головушку надевает.

Давно это было, и кувшинок тех уж нет - видно, все собрал барин для возлюбленной своей, а тиной пруд по-прежнему подернут. Там ли молодые, нет ли - не разглядеть...

Наина Хонина
2005

Чудесная тайна окружала тот дом.

Тайна белая и приветливая.

Не мрачный покров

закрывал этот старый особняк,

а чудесная, поэтическая легенда,

которой никто не знал,

но которая жила в самом облике

старинного дома,

Дом снесли под новостройки.

Ушло что-то очень дорогое,

привязанность к чему

рождала праздничное чувство

преемственности времен.

Знаменское-Раек

Усадьба Знаменское-Раек расположена в Торжокском районе, в 3 км от трассы Тверь - Торжок,

В 1764 году на средства владельца села Знаменское, сенатора, кавалера разных орденов, генерал-аншефа И.Ф. Глебова, на территории рядом расположенного погоста Рай был выстроен каменный храм Знамения Пресвятой Богородицы. В 1772 году И.Ф. Глебовым произведен семейный раздел имений, поводом для которого послужил уход в монастырь его жены Прасковьи Ивановны, по отцу Грековой.

«По общему согласию» Ивана Федоровича и его сыновей был составлен «раздельный реестр», по которому генерал-майору и кавалеру Федору - младшему сыну досталось «село Знаменское», полновластным владельцем которого Федор Иванович стал после смерти отца в 1774 году. Федор Иванович Глебов вторым браком был женат на Елизавете Петровне Стрешневой, последней представительнице знатного боярского

рода, связанного родственными узами с императорским двором. Задумывая усадьбу, Ф.И. Глебов мог рассчитывать на приезд императорских особ.

Ф.И. Глебов обращается, видимо, к архитектору Н.А. Львову, своему соседу по тверскому имению. Возглавил работы новоторжский архитектор Франц Иванович Буци: «Был выстроен настоящий дворец с филантропической мыслью образовать крестьян и доказать, на что они способны во всех отраслях искусств: выделывании паркетов, мебели, ковров, обработке мрамора и прочем». Федор Иванович давал льготы крестьянам, которые отпускали детей учиться,

С февраля 1789 года «для распоряжения наглядывать над палатным строением» был приглашен Андрей Трофимов - будущий тверской губернский архитектор. В 1791 году были начаты работы по копке прудов и устройству садов - «увеселительного» и плодового. В работах по росписям главного дома принимают участие Николай Устинов,

Андрей Колпаков, Василий Гаврилов и мальчик Максим.

Еще одним увлечением Ф.И.Глебова стало устройство зверинца с оленями, в том числе сибирскими; на птичьем дворе ходили лебеди, павлины, два журавля; в прудах водилась живая форель.

Для обустройства быта в Знаменское присылаются сервизные формы, ящики с музыкальными инструментами. Часовщик Л.Ф. Собакин изготовил часы с водяным ходом. В 1795 году труды Глебова по устройству парникового и оранжерейного хозяйства увенчались успехом - «поспели дыни и арбузы». Часть их отправлена тверскому губернатору А.В. Поликарпову, другая - господину Тыртову и в Петербург. К концу 1797 года в Знаменском были построены основные сооружения усадебного комплекса. В 1797 году Глебов требует начать строительство «гофшпиталья, коему место назначено и план есть». К 1798 году парк Знаменского был украшен многочислен-

Панорама парадного двора

ными скульптурами. Две алебастровые статуи Циреры и Русалки были присланы из Москвы в 1795 году. Первая из них стояла рядом с одноименным павильоном, а о Русалке Глебов писал архитектору Руска: «Весьма удивляюсь, что Вы меня спрашиваете куда статую ставить. Поелику она будто приплыла с реки, то и должна глядеть сидящей в гроте, яко приплывшейся». В 1803 году сыновья Ф.И.Глебова Дмитрий и Петр получают высочайшее разрешение присоединить к фамилии Глебовых фамилию Стрешневы, так как со смертью в 1802 году двоюродного брата Елизаветы Петровны пресекся этот древний боярский род. В 1864 году владелицей Знаменского становится правнучка Ф.И. Глебова Варвара Федоровна Бреверн, в замужестве княгиня Гедройц, а в 1888 году - Александра Сергеевна Дубасова - жена известного русского адмирала Федора Дубасова.

В 1919 году в Знаменском разместился дом отдыха трудящихся...

Почувствуешь, как сердце дрогнет: «Ёк...»
 Перед тобой откроется Раёк.
 Здесь все, как было сотню лет назад,
 И в барском доме - танцевальный зал:
 Там подпевают музыке полы,
 А на камине - патина золы.
 Поместья двор собой являет круг.
 И, если встанешь в самом центре круга, -
 Опять прижать придется к сердцу руку:
 Ты словно в храме оказался вдруг,
 Где свод небесный подпирают стены,
 Где ты душой светлеешь постепенно
 И где Господь местечко приберег,
 Чтоб люди основали в нем Раёк.

Тамара Карякина
 2005

Чевакино

Усадьба Чевакино находится в северной части современной деревни Чевакино Торжокского района, неподалеку от шоссе Торжок - Осташков, на берегу реки Райконы.

Сельцо Чевакино во второй половине XVIII века «с деревней Береской, пустошами

Овсянниковой, Желудовой, Афонасовой, Трестянской» принадлежит прапорщику

Николаю Андреевичу Загряжскому

В начале XIX века имение переходит семье Чевакинских, хотя не исключено, что фамилии Чевакинских и Загряжских были в родстве.

Род дворян Чевакинских не очень многочисленный, к нему принадлежит знаменитый мастер русского барокко, один из лучших архитекторов новой столицы - Петербурга - Савва Иванович Чевакинский.

В 1842 году имением Чевакино владеет генерал-майор Михаил Иванович Чевакинский. Жил он, видимо, достаточно бедно, во всяком случае «крестьяне находятся в большой бедности и от недостатка хлеба ходили по миру...»

В 1853 году усадьба принадлежит генерал-лейтенантше Анне Федоровне Игнатьевой и по описанию «при сем имении находится господское строение: при сельце Чевакине каменный одноэтажный дом, при нем три флигеля - два каменных и один деревянный, а при речке две мукомольные мельницы...», а затем ее сыну - Александру Ардалионовичу Игнатьеву. Последние владельцы имения - помещики Козьмины

В конце XIX века рядом с имением была построена станция Трясенка Кувшиновской ветки Александровской железной дороги. Имение было национализировано, а в усадьбе расположился совхоз «Чевакино».

От усадьбы Чевакино сохранились главный дом, флигель и каскад прудов. Парк усадьбы вырублен. Неподалеку в поле можно увидеть водонапорную башню.

Главный дом усадьбы

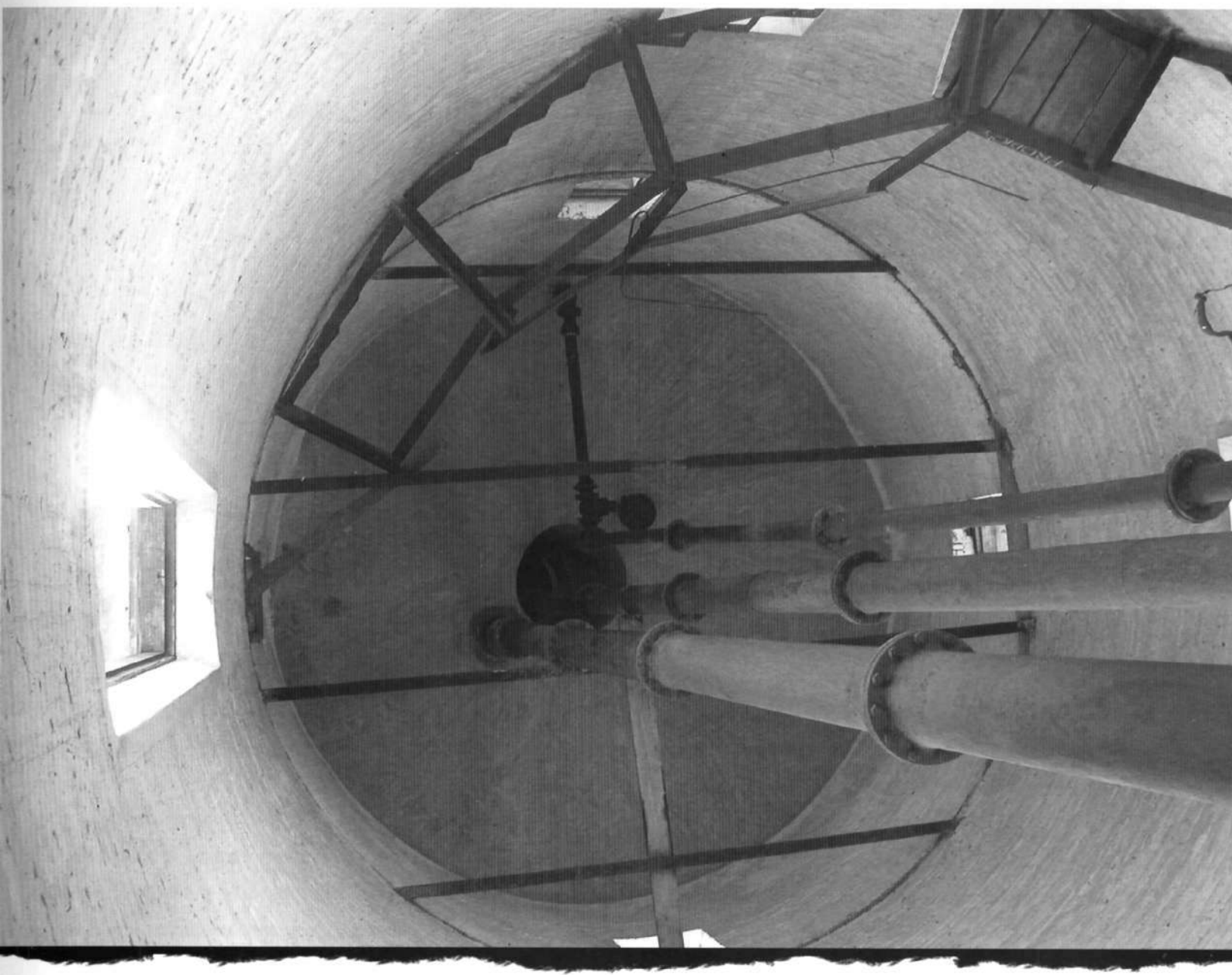

Водонапорная башня. Где-то здесь была станция Трясенка...

Геометрический специальный план селъца Чевакина. 1789 год

Жернова мукомольной мельницы на реке Райчоне

Конец августа. Раннее утро. С рассветом ночной ливень перешел в мелкий моросящий дождь. И оттого казалось, что промокшая за ночь деревня словно принакрылась серой прозрачной кисеей.

Еще спали, досматривая последний сон, дома. Вдали, за рекой, темнел влажный лес, а по пригорку, сбегая к воде, стелилась еще не тронутая осенью темная зелень травы.

И только один колодезный журавль, высоко задрав вверх свою длинную шею, замер, охраняя

тишину окрест. Но и он, ночной сторож, молчал лишь до поры. Еще не скрипнуло отполированное до блеска его колесо, не звякнуло ведро на железной цепи. Еще даже не подали голоса деревенские псы.

В этот предутренний час на душе покой и радость. Кажется, весь мир за окном принадлежит только тебе. Скорее туда. Следом за мной поднялась и моя собака. Потянулась, всем своим видом показывая: я готова, пора гулять. Что ж, пошли вместе...

Тихая калитка бесшумно выпустила нас со двора.

Пруды в усадьбе

Куда пойти? Конечно же, к реке. Вот и она, неутомимая бегунья. Это только издали кажется, что вода стоит на месте, слегка подернутая легкой рябью. Но стоит подойти поближе, как тут же беспрестанное течение увлечет вас за собой. Зачарованно устремляемся вслед за ним и мы.

У водной стихии сегодня явно творческий день. Все вокруг словно замерло в предвкушении чуда.

Вода повсюду - льет сверху, хлупает под ногами, бежит рядом в разлившейся реке. Воздух настолько насыщен влагой, что кажется, над нами теплый дышащий шатер. Время неожиданно остановилось. Обильный журчащий поток смывает, уносит границы времени, растворяя прошлое и настоящее. И это уже не просто водный поток. Это течет река времени.

Светлана Костенко
2005

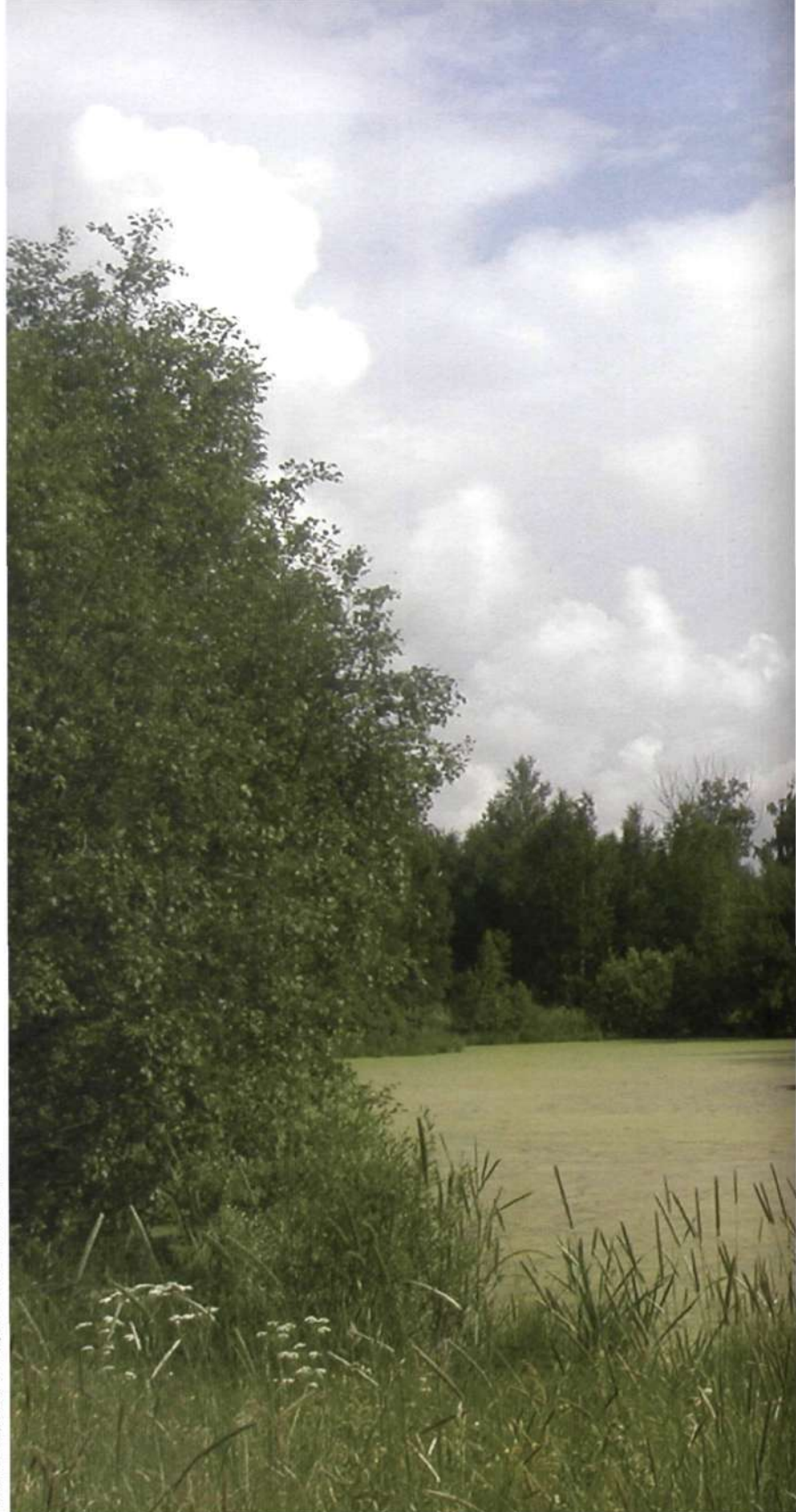
Кемцы

Село Кемцы расположено к северу от районного центра Бологое и лежит на правом берегу реки Кемки. Село Кемцы впервые упоминается в писцовых книгах Деревской пятины под 1495 годом; «...Деревня Кемцы Сегпинского погоста... великого князя волость, что была Кириллова монастыря...» В конце XVIII века в селе находятся две усадьбы - семьи Полуяновых (в южной части села) и графа Беннигсена (в северной), а в конце XIX века владельцем южного поместья становится потомок старинного рода Татищев,

Сохранившаяся в селе церковь Козьмы и Дамиана (1814 г.) - единственная постройка усадьбы Беннигсена. Особого внимания заслуживает пейзажный парк усадьбы с прудом живописных очертаний и искусственным островом.

В Кемцах сохранился усадебный дом Полуянова. От усадьбы Беннигсена остались парк с каскадом прудов и церковь.

Вид на церковь от прудов пейзажного парка

Церковь Козьмы и Дамиана

*Храм без прихода.
Купол без креста*

Дорога к храму

Забывтое святилище в Кемцах:
Храм без прихода. Купол без креста.
Там сверху, сквозь разбитый храма свод,
То сыплет снег, то мутный дождь идет.
А вот, чтоб Бог, наверно, не забыл,
Дурак признался: дескать, я тут был...
Лепнина, где вандалам не достать,
Еще сохранна. Скованы уста.
Но ты, святую жажду утолив,
От стен услышишь тихий хор молитв...

Тамара Карякина
2005

Млевичи

Усадьба Млевичи Торжокского района расположена в 28 км южнее районного центра на трассе Торжок - Старица. Сельцо Млевичи - родовое поместье семьи Шишковых. В начале XVIII века Млевичи по завещанию Антипа Васильевича Шишкова - «старинный дом... со всяким хоромным и огуменным строением и скотом» - были поделены между его сыновьями Антоном и Иваном. В 1770 году хозяином усадьбы продолжает оставаться капитан Антон Антипович Шишков. Далее по мужской линии усадьба переходит в наследство Арсению Антоновичу, а затем - Михаилу Арсеньевичу Шишкову, полковнику, кавалеру орденов Св. Анны III степени, Св. Владимира IV степени. Все это время усадебные постройки обновляются, модернизируются, перестраиваются, сама усадьба делится между детьми, появляются новые постройки. Неизменной остается только выстроенная в усадьбе в 1771 году при Антоне Антиповиче Знаменская церковь. Во второй половине XIX века имение выставляется на торги. Видимо, учитывая размер и количество построек, куплено оно было частями, потому что в начале XX века владельцами Млевичей числятся уже помещики Церетели и Цвылевы, а также крестьянин Матвей Терентьев, внуков которого, Ивана и Василия Терентьевых, «крупных землевладельцев и лесопромышленников», выселили из имения в 1925 году. В селе Млевичи сегодня можно увидеть барский дом, флигель, хозяйственный двор, регулярный и пейзажный парки, церковь и колокольню. Значительная часть усадьбы застроена после войны жилыми домами.

Главный дом усадьбы

Вид на Знаменскую церковь

Флигель

*Тот воздух верни,
ту щемящую грусть,
Какими дышала ушедшая Русь...*

Ручей Крапивка весной

Какая пошла суетливая жизнь:
С утра и до ночи - работа!
О время, манером иным обернись,
Верни нам балы и охоту!
Верни нам паркет танцевальных полов,
Перчаток тончайшую лайку,
Необремененность фуршетных столов
Под пристальным оком хозяйки.
Верни веера, беломраморность плеч,
Стыдливость прикрытых коленей,
Верни нам возможность нечаянных встреч
И радость сердечных волнений.
Тот воздух верни, ту щемящую грусть,
Какими дышала ушедшая Русь...

Тамара Карякина
2005

Фея разлуки взмахнула черными крыльями.
Ночь опустилась, тяжелая и мрачная.
Но, уходя, мои добрые короли оставили в
наследство светлую истину пережитого.
И мой старый осенний город сохраняет невидимо
то, что известно только ему. Иногда он открывает
свои тайны, и я вновь слышу древний шелест
дождя.
И забытые сказки, кажущиеся сегодня многим
наивной безделицей, вновь обретают
торжественную мудрость.
На убранный незабудками ковер кладу свое
усталое тело. И слышу, как ты говоришь со мной
издалека. Твои ответы на мои вопросы едва
слышны, но я могу разобрать многие слова, не
сказанные тобой. Помолчи, тихо, и я услышу.

Островки

Герб рода Ширинских-Шихматовых

Усадьба Островки, Вышневолоцкий район. Расположена в лесу, вдали от населенных мест, и относится к немногим из сохранившихся на территории Тверской области усадеб-дач. Заложена она в середине XIX века на берегу большого залива - озера Имоложье, которое служит северной границей усадьбы, а впадающий в него ручей - западной. Известно, что в конце XIX века усадьба принадлежала князю Андрею Александровичу Ширинскому-Шихматову, члену Тверской ученой архивной комиссии. 22 июня 1901 года в имении состоялась закладка Успенской церкви, которая, по замыслу князя, «будет сооружена в стиле наших древнейших каменных церквей и украшена старинными иконами и утварью из собственной коллекции». На торжестве присутствовали не-пременный попечитель архивной комиссии князь Н.Д. Голицын, Высокопреосвященный Димитрий, архиепископ Тверской и Кашинский, сенатор Н.С. Таганцев, князь Н.С. Путятин.

А 1 декабря того же года выстроенная церковь была освящена. В журнале Тверской ученой архивной комиссии за 1904 год так описано это событие: «Освященная церковь, по всей справедливости можно сказать, единственная в своем роде. Строитель церкви князь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов, почитатель и глубокий знаток нашей церковной старины, с давних пор начал собирать древние иконы. Благодаря неутомимой энергии и знанию дела ему удалось составить богатейшую коллекцию этих икон, состоящую из редких по своей древности, сохранности и ценности экземпляров. Князь решил выстроить в древнем стиле каменную церковь, в которой можно было бы расположить наиболее замечательные и ценные иконы. И этот замысел исполнен князем с таким искусством и любовью, которые делают ему большую честь. Церковь выстроена по типу Суздальских церквей XII - XIV столетий. Строил церковь московский архитектор Федоров. Первое,

что поражает при входе в храм, - это резной дубовый иконостас - в миниатюре копия иконостаса Московского Успенского собора». Камергер двора его императорского величества Андрей Александрович Ширинский-Шихматов был видным общественным деятелем, предводителем дворянства Вышневолоцкого уезда, проводил на территории усадьбы археологические раскопки. Восточную часть дома занимало огромное двухсветное пространство - оранжерея, предмет гордости хозяина. Капители дивных деревянных колонн и сегодня можно увидеть на чердаке перестроенного главного дома усадьбы. В усадьбе Островки размещается детский дом. От построек усадьбы сохранились барский дом, несколько жилых флигелей, остатки церкви и лесные угодья, входившие в территорию усадьбы.

Каменная часть главного дома

*Дворянских фамилий
Облупленный герб,
И - заросли лилий,
И - заросли верб.*

Один из жилых флигелей усадьбы

Чугунные тумбы
Торчат под крыльцом.
Поросшие клумбы;
Заброшенный дом.
Дворянских фамилий
Облупленный герб,
И - заросли лилий,
И - заросли верб.
Там ставнею сорванной
Хлопнет окно;
Там жизни оборванной
Темное дно:
Кушетки,
Козетки,
Курганы,
Чехлы.
И мертвые предки
Пролегли из тьмы.

Андрей Белый
1903

Капители пилонов оранжереи, скрытые сегодня на чердаке

Панафидино

Село Панафидино Старицкого района находится на правой стороне реки Тьмаки в 24 км от города Старицы. По преданию, свое название село получило от битвы русских с литовцами, где пало много русских воинов, погребенных в одной братской могиле, по которым совершалась общая панихида. Земли эти издавна принадлежали роду Поликарповых, самому раннему из известных предков, Дементию Ивановичу Поликарпову, по жалованным грамотам в 1680-м и 1685 году были пожалованы земли. Род дворян Поликарповых за ревностную службу Отечеству был отмечен высочайшими наградами в царствование Екатерины II, Александра I и Николая I, Сенатор, действительный тайный советник Александр Васильевич Поликарпов был правителем Тверского

наместничества и первым губернатором Тверской губернии, В начале XIX века на территории села «за господином действительным тайным советником Александром Васильевичем Поликарповым господский дом, за капитаном Николаем и флота лейтенантом Дмитрием Поликарповыми два господских дома, а за поручицею Марьею Васильевою Тыртовой господский дом». Каменная Покровская церковь, стоявшая ранее в центре усадьбы, была заложена в 1794 году и выстроена в 1805 году на средства Александра Васильевича Поликарпова. До 1918 года Поликарповы жили в своем имении - но их взаимоотношения с новой властью не сложились: А.Е. Поликарпов не позволял различным комиссиям описывать его имущество,

вел хозяйство неправильно, а именно: «.. Сует свой нос в хозяйственные дела по старому, нахально требуя от управляющего как молочных так и мясных продуктов львиную долю, а имеющийся у него телефон служит ему для связи с контрреволюционными гнездами и для провокаторской цели».

В 1919 году в имении организован совхоз «Панафидино», в котором бывшему владельцу Поликарпову было разрешено доживать свой век. Сегодня усадебные постройки стали центром села Панафидина, почти все они не используются. Сохранились главный дом, несколько жилых флигелей, конюшня, здание церковно-приходской школы и остатки парка.

Конюшни и пруд

Печатный указ от 12 апреля 1808 года за подписью генерала графа Татищева: «Господину Тайному советнику, Сенатору и Кавалеру Александру Васильевичу Поликарпову, бывшему губернским командующим Тверской милиции» с препровождением золотой медали для ношения в петлице на ленте ордена св. Владимира в память в подвижном земском войске и предоставлением носить милицейский мундир.

«Его превосходительству Александру Васильевичу Поликарпову на случай избрания его в Твери Губернским Начальником земского войска».

Давно заслугами известен
Царю наш добрый патриот,
В делах правдив, в советах честен,
Кого чтит сердцем весь народ.

Любовь, заслуги уважая,
Тебе вручает жребий свой,
Твое правленье вспоминая,
Гордится Тверь по днесь тобой.

Надеждой сею упоенный
В восторге каждый говорит:
Сей Александр! Сей муж почтенный
Дела достойны нам явить.

Готовься к чести новой
И свету доблести яви:
Принять чтобы венец лавровый
Для счастья нашего яви.

Автор неизвестен
1808

Главный дом

Боровно

Главный дом

Усадьба Боровно Вышневолоцкого района расположена на территории современного села Боровно на берегу озера Тубосс.

В XVIII веке сельцо Боровно принадлежало семье Кутузовых. В течение нескольких десятилетий имение переходило в наследство по женской линии, а в 1762 году Прасковья Ильинична Языкова вышла замуж за Логина Михайловича Манзей, получив в приданое имение Боровно. Основатель русской ветви шотландской фамилии Манзей - Михаил Манзей -

прибыл в Россию в 1733 году в свите принца Брауншвейг-Бевернского Антон-Ульриха, ставшего впоследствии мужем принцессы Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Иоанновны, и служил при дворе хирургом. По семейному преданию, при Елизавете Петровне в ссылку вместе с опальной Анной Леопольдовной «добровольно» поехали слуги, в том числе и Михаил Манзей. Более о нем ничего не известно.

Его сын Логин Михайлович по высочайшему повелению был определен

на казенный счет в сухопутный кадетский корпус и стал блестящим офицером. После выхода в отставку и женитьбы Логин Михайлович поселился в имении жены.

У Прасковьи Ильиничны и Логина Михайловича было четыре сына и пять дочерей. Братья Манзей - участники Отечественной войны 1812 года, кавалеры орденов Св. Владимира IV степени и серебряных медалей «В память Отечественной войны 1812 года». В 1819 году на правах хозяйки в Боровно вошла Софья Сергеевна Манзей, жена

Николая Логиновича, Отец Софьи Сергеевны владел железоделательными заводами и доходными домами и приданое за дочерью дал немалое, С этого времени начинается этап строительства в усадьбе: расстраивается центральный корпус, возводятся хозяйственные постройки.

Их сын, Николай Николаевич Манзей, был женат на Александре Ивановне, урожденной Якобсон, Их дочь Софья Николаевна - последняя владелица родового имения Боровно. Она была образцовой хозяйкой: занималась

имением, организовала школу-приют для крестьянских детей, построила в соседней деревне Березки дачи, сдававшиеся в аренду художникам, Софья Манзей вышла замуж за действительного статского советника егермейстера двора его императорского величества Михаила Сергеевича Волкова, В 1896 году у них родился сын Сергей - единственный и последний отпрыск двух семейств - Манзеев и Волковых.

После революции в имении создан колхоз, погибла почти вся обширная

коллекция, кроме некоторых портретов, миниатюр и документов, вывезенных в Петроград в 1915 году Софьей Николаевной и Сергеем Михайловичем, которые хранятся в Государственном Эрмитаже.

От усадьбы Боровно сегодня сохранились главный дом, один из флигелей, остатки парка и несколько прудов, расположенных на территории современного села.

Озеро Тубосс. Вид от усадебного парка

По уговору с Н.Н. Манзеем 22 мая 1860 года поехали мы к его родителям в усадьбу Боровно. Ровно в 11 часов мы приехали на зареченскую станцию, на которой нас ожидала коляска, заложенная в четверик. Дорога от мызы Боровно довольно хорошая, и местоположение, оживленное Зареченским озером, весьма красивое.

При входе в дом нас встретила ватага слуг и Софья Сергеевна, нарочно дожидавшаяся нас против обыкновения, по которому она ложится спать гораздо раньше. Приняли меня самым дружелюбным образом, расцеловался я со всеми, напоила нас чаем Софья Сергеевна и, расспросив о жене и детях, пошла перед ужином почивать, а нас посадили за стол. Пропасть блюд была приготовлена для утоления нашего аппетита.

23 мая 1860 года. Вскоре меня пришли к нему

сыновья, пили мы все вместе чай, разбрелись по саду, который мне очень понравился прекрасными аллеями, хорошими деревьями и окружающими его со всех сторон полями, лугами и лесами.

Повели меня по оранжереям, парникам, огородам, разным хозяйственным заведениям, кухням, кладовым, и по всем комнатам, даже в спальню и уборную Софьи Сергеевны. Везде порядок, избыток и довольство. Конечно, заметно, что рука времени порядком пораскачала некоторые строения, требующие больших поправок, но все это еще довольно сносно, везде жить можно. Главный дом, в котором Манзеи помещаются, каменный, построенный его родителями. Для этого дома и кирпич, и все необходимое изготовлялось на месте, в самом имении, и дом строился семь лет сряду, следовательно, без всякой торопливости. Мызюю владеют они больше семидесяти лет...

Иван Якобсон
1860

Дорога от мызы
Боровно довольно
хорошая, и
местоположение,
оживленное
Зареченским
озером, весьма
красивое.

Митино

Усадьба Митино расположена в 5 километрах от Торжка на старой Санкт-Петербургской дороге, при впадении в Тверцу Митинского ручья. Усадьба Василево расположена напротив, на террасах правого берега реки Тверцы. По южной части усадьбы протекает Безымянный ручей, впадающий в Тверцу. Села Митино и Василево, принадлежавшие помещикам Львовым, впервые упоминаются в Экономических примечаниях по Новоторжскому уезду, составленных в конце XVIII века: «Сельцы Василево и Митино, Дмитрия и Ивана Ивановичей детей Львовых... Сельцо Митино на левых сторонах реки Тверцы и Ручья Митинского при Большой Санктпетербургской дороге». Усадебный комплекс в Митине возник на рубеже XVIII - XIX веков по инициативе владельца Дмитрия Ивановича Львова. Уже в 1808 году один из путешественников, проезжавших из Петербурга в Москву, отмечает в своих записках существование в Митине деревянного господского дома и многочисленных служб. Наиболее значительными из них являются сохранившиеся до настоящего времени погреб-пирамида, конный двор и два корпуса винокуренного завода. Помимо вышеперечисленных сооружений в усадьбе была возведена большая валунная кузница, парковый павильон и беседка, известные лишь по серии рисунков, выполненных в 40-х годах XIX века. На одном из этих рисунков изображен не сохранившийся деревянный главный дом.

В 40-х годах XIX века деревянный дом был разобран и на его сводчатом

цокольном этаже было сооружено новое, двухэтажное кирпичное здание. Усадьба продолжала обстраиваться, очевидно, на всем протяжении XIX века, однако строительство этого периода ограничивалось в основном сооружением подсобных и хозяйственных зданий. К концу XIX столетия в Митине сложился крупный, благоустроенный усадебный комплекс.

Главный дом замыкает с северной стороны ряд хозяйственных построек различного назначения, вытянувшихся вдоль берега реки и рассчитанных на восприятие с противоположной стороны Тверцы. Отсюда при подходе к Митину из усадьбы Василево открывалась наиболее выразительная панорама комплекса. Южнее главного дома находится погреб-пирамида, далее расположены два одинаковых корпуса винокуренного завода, выдержанные в формах зрелого классицизма.

Во второй половине XIX века между винокуренным заводом и пирамидой была возведена большая кирпичная хозяйственная постройка. За ней, почти не видное с реки, находится здание зернохранилища. Рядом с северным корпусом винокуренного завода во второй половине XIX века из валунов был сложен небольшой погреб. Восточнее, вдоль Петербургской дороги, составляющей вторую композиционную параллель усадьбы, размещены еще две постройки, приписываемые Н.А. Львову. По оси с главным домом стоит обширный, находящийся сейчас почти в руинированном состоянии конный двор,

южнее расположен более скромный, значительно переделанный коровник. Помимо основной территории к усадьбе относился также расположенный по другую сторону ручья Митинский лес. Густой сосновый бор тянется по берегу реки до самого погоста Прутья - родовой усыпальницы Львовых. Митино принадлежало Львовым до конца XIX века. Последним владельцем усадьбы был потомок Львовых Д.Д. Романов. Каменный дом в усадьбе Василево был построен в 1780 году на месте ранее существовавшего деревянного. Весь XIX век в усадьбе ведется интенсивное строительство, разбивается парк. На ручье с помощью искусственных плотин устраивается система каскадных прудов, дно которых выстлано лещадью. Перед верхним прудом сооружен арочный валунный «Чертов мост», по которому проходит дорога из Торжка. В конце XIX века усадьба была продана Цвылевым, которые развернули в усадьбе мешочное производство. Со временем главный дом был утрачен. На территории усадьбы Митино в XX веке выстроен многоэтажный корпус санатория.

На территории усадьбы Митино сохранились главный дом, погреб-пирамида, корпуса винокуренного завода, скотный и конный дворы, остатки пейзажного парка. В усадьбе Василево сохранились «Чертов мост», служебная постройка, скотный двор, пейзажный парк с системой каскадных прудов.

Главный дом

Вид на Тверцу от главного дома

...открывается чудесный вид на цветистый сад, спускающийся откосами на реку...

Свернув с большой дороги, приходилось ехать широкою аллеею по густому сосновому бору, вплоть до поместья. Тут открывалась сначала поляна, на которой с правой стороны находится гумно и рига с гигантскими скирдами хлеба впереди... Далее, все направо же, за живою изгородью оранжереи и фруктовый сад, а с левой стороны, как раз напротив, огород. Потом скотный двор, такой огромный, длинный и широкий... Потом конюшни, экипажные сараи, далее пирамидальной конструкции, из гранитных тесанных глыб, величественный, как памятник отдаленной древности, погреб; затем молочная ферма, бани, кое-какие другие постройки, и, наконец сам большой дом с широким фронтоном, ступеней десять и роскошною колоннадою на сторону въезда перед английским парком и с величественной верандой на оборотной стороне, откуда открывается чудесный вид на цветистый сад, спускающийся откосами на реку, извиляющуюся перед самым Митиным...

Господский белый с красным дом, два этажа которого гордо подымались над рекой, был уже перестроенным, - каменным.

А.Д. Апраксин
Роман «Праздные люди»
1870-е годы

Василево. «Чертов мост»

Василево. Фрагмент барского дома

Что за чудесная птица залетела в мой дом?

Серебряные перья звенят волшебством и сказкой.

Зимняя птица села на мой стол.

Я слушаю щебет чудесной певуньи и пытаюсь

запомнить то, что она мне расскажет.

Здесь есть истории о принцах и принцессах,

королях и дровосеках. И о душевной щедрости.

Но главные слова - о чистой и светлой любви,
которая еще есть на земле.

Коноплино

Усадьба Коноплино, Старицкий район. Расположена на реке Волге при впадении в нее реки Коржачки. В 1747 году сельцо Коноплино и ряд соседних земель, в том числе Чукавино, входило в состав Раменской волости Старицкого уезда и принадлежало помещику коллежскому асессору Ивану Ивановичу Сытину. Затем сельцо Коноплино принадлежало помещикам Волховским, которые в основном жили в Чукавине. В 1835 году имение у Волховских покупает Иван Иванович

Лажечников, писатель, автор исторических романов, участник Отечественной войны 1812 года. С мая 1837 года Иван Иванович поселился в имении. Софья Матвеевна Великопольская, находящаяся с Волховскими в родстве, хозяйка имения Чукавино в это время, писала своему мужу: «Лажечников романтик, поэт, мечтатель; когда ему указывали на то, что имение Коноплино мало выгодно, он отвечал, что все это знает, но что он только хочет иметь хороший вид и

хорошее местоположение...»

От Лажечникова сельцо Коноплино перешло к помещику Н.И. Лошакову, а затем к А.Ф. Шишмареву, после смерти которого этой местностью владела супруга Афанасия Федоровича Мария Николаевна, устроившая в усадьбе Марфо-Мариинскую женскую обитель, которая в 1900 году стала монастырем. Сегодня в селе Коноплине можно увидеть главный дом усадьбы, часовню, несколько хозяйственных прудов, пейзажный парк и каменную ригу.

Росписи храма Марфо-Мариинской обители

*...ах, если бы навек
остаться так, не разжимая
росистых и блаженных век!*

Пруды

Часовня

Глаза прикрою - и мгновенно,
весь легкий, звонкий весь,
стою опять в гостиной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.

И вот у зеркала косого
под лепетанье хрусталей
глядят фарфоровые совы -
пенаты юности моей.

И вот над полками гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как божий вензель,
на венском стуле, у окна.

По потолку гудит досада
двух заплутавшихся шмелей,
и веет свежестью из сада,
из глубины густых аллей.

Неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пестролесью, -
свист, щебетанье, гам цветной!

А дальше - сон речных извилин
И сенокоса тонкий мед.

Стой, стой, виденье! Но бессилен
Мой детский возглас. Жизнь идет.
Идет... ах, если бы навек
остаться так, не разжимая
росистых и блаженных век!

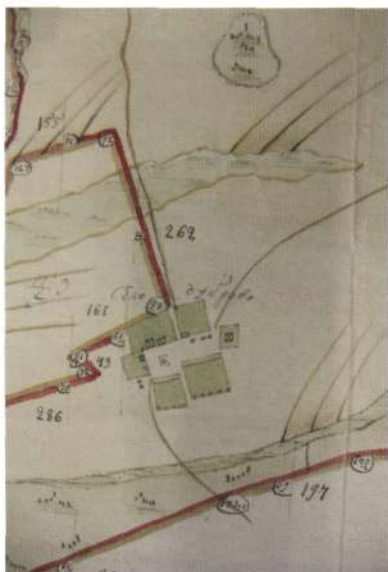
Владимир Набоков
1959

Конюшня

Хозяйственные пруды в усадьбе

Геометрический специальный план села Дубровка. 1777 год

Дубровка

Усадьба Дубровка расположена в Спировском районе, в юго-западной части села Дубровки, на вершине крупного пологого склона, на ровной площадке. Село Дубровка издавна принадлежало роду Свечиных. «Род Свечиных происходит от выехавшего в Псков из Немец (Пруссии) именем Дола, который по крещении назван Василием и жалован вотчиною, потом находился при Великом Князе Тверском Александре Михайловиче боярином. У его внука Василия был правнук Андрей Константинович Свеча, от коего потомки Свечины служили стольниками, воеводами и в иных чинах, и жалованы были от государей поместьями». Первым владельцем поместья был Михаил Петрович, получивший его по Жалованной грамоте государей Ивана V и Петра I Алексеевичей в 1683 году за «многую службу». В 1707 году Дубровка была размежевана между детьми, а 3 июля 1772 года у Михаила Григорьевича Свечина и Марьи Тихоновны родился сын Никанор - будущий генерал-лейтенант и кавалер, участник шести военных кампаний, человек «жуткой храбрости», как о нем отзывались современники. В общей сложности

Никанор Михайлович прослужил в армии 38 лет, начав службу при императрице Екатерине II, продолжив при императорах Павле I и Александре I и закончив при императоре Николае I. Его портрет был помещен в Военной галерее Зимнего дворца, где и сейчас его можно увидеть.

Рядом с усадьбой в 1813 году была построена каменная церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа. После выхода в отставку Никанор Михайлович проживал в Дубровке, был женат на Екатерине Васильевне Энгельгардт и имел дочь, в замужестве княгиню Оболенскую, которая скончалась молодой, не оставив детей. Никанор Михайлович взял в дом воспитанницу Надежду Никаноровну. (судя по отчеству, удочерил), и в 1852 году господский дом уже принадлежит «Штабс Капитанше Надежде Никаноровне вдове Скоропадской», а в 1860-х годах - жене инженера коллежского советника Елизавете Львовне Савицкой. Сегодня на территории усадьбы можно увидеть церковь, фрагменты главного дома, парк, несколько погребов.

Главный дом

Могила Никанора Михайловича Свечина

Никанор Михайлович Свечин родился 3 июля 1772 года в родовом имении Дубровка. Зимой 1791 года поступил на военную службу подпоручиком в Гвардии Преображенский полк. Продвижение по службе Никанора Михайловича было довольно медленным, поручиком Никанор Михайлович стал лишь в 31 год, несмотря на то, что в этой же роте капитаном служил дядя Никанора Михайловича - Николай Сергеевич Свечин.

В 1810-м Никанор Михайлович произведен в полковники и назначен батальонным командиром.

В ночь на 26 июня 1812 года началось вторжение великой армии Наполеона в Россию, а уже 28 июня второй батальон Преображенского полка под командованием Никанора Михайловича сдерживает в упорных арьергардных боях натиск французов, в августе участвует в обороне Смоленска в составе войск 4-го корпуса графа Остермана-Толстого.

В Бородинском сражении Преображенский полк

непосредственного участия не принимал, но понес значительные потери, стоя под ядрами, подобно полку князя Андрея Болконского. В списках отличившихся офицеров, подписанных главнокомандующим М.И. Кутузовым, полковник Свечин значится одним из первых. За Бородино Никанор Михайлович получил свою первую награду - орден Св. Анны II степени.

Осенью и зимой 1812 года батальон полковника Свечина участвует во многих операциях русских войск. В самом начале заграничного похода скончался главнокомандующий М.И. Кутузов, и русские войска лишились достойного руководства. В трех битвах кампании 1813 года Наполеону удалось нанести поражения войскам союзников.

После поражения под Дрезденом союзники были вынуждены начать отступление в Богемию: авангард союзных войск, в котором находился батальон Свечина, подвергся нападению французов. Полковнику Свечину приказали расчистить дорогу

Пруд в парке

союзной армии. Атака 2-го батальона «преображенцев» была «изумительно стремительна», враг опрокинут, частью уничтожен, частью бежал. Командующий авангардом союзников граф Остерман-Толстой рукоплескал Свечину, восклицая: «Браво!», и обратился к нему с такими словами: «Никогда не видел я такой блистательной атаки!» В своем донесении об этом сражении генерал-лейтенант А.П. Ермолов писал: «Ничто не сравнится со стремительностью второго Преображенского батальона, и неприятель бегством открыл путь следующим войскам...» За проведение этой штыковой атаки под Глегюбелем Никанор Михайлович был награжден высшей военной наградой империи - орденом Св. Георгия IV степени.

После победы под Дрезденом наполеоновские маршалы и генералы продолжали преследование союзных войск. Корпус генерала Вандамма столкнулся с авангардом союзной армии у Кульма, был разбит, частью уничтожен, частью пленен.

Огромную роль в этом сыграли 1-й и 2-й батальоны Преображенского полка, чьи штыковые атаки буквально опустошили ряды французов. За проведение этих атак полковник Свечин был удостоен благодарности сразу трех монархов: императоров Александра и Франца, прусского короля Фридриха-Вильгельма. Последний, пораженный «жутким мужеством русского полковника», наградил его «орденом Железного креста за Кульм» (т.н. «Кульмский крест» изготовлявшийся из осколков ядер, собранных на поле боя у Кульма).

После сражения по высочайшему указу Никанор Михайлович был пожалован в генерал-майоры и назначен шефом Новоингерманландского пехотного полка 12-й пехотной дивизии корпуса генерала Дохтурова.

Прежде чем отправиться к месту нового назначения, генерал-майор Н.М. Свечин принял участие в трехдневной «битве народов» под

Лейпцигом, где проявил себя с наилучшей стороны: прусский король наградил его одной из высших военных наград Пруссии - орденом Красного Орла 2-й степени.

Поражение под Лейпцигом заставило французского императора очистить германские земли. В начале 1814 года армии коалиции перешли Рейн и вступили на территорию Франции. Союзной русско-прусской армией командовал прусский фельдмаршал Блюхер - именно по этой армии Наполеон решил нанести основной удар весной 1814 года. 7 марта он настиг Блюхера у Краона и разбил его; после тяжких потерь Блюхер стремительно отступил, почти бежал к Лаону. Попытки Наполеона выбить его из лаонских позиций 9-10 марта не удалось прежде всего благодаря стойкости и мужеству русских войск, а особенно бригады в составе Александровского и Новоингерманландского пехотных полков под командованием генерал-майора Н.М. Свечина, которые насмерть стояли на позиции у селений Семилы и Кляем. За этот подвиг Никанор Михайлович был пожалован орденом Св. Анны I степени, получив знак ордена и звезду, став, таким образом, кавалером ордена.

Никанор Михайлович оставил воспоминания «Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года», написанные хорошим русским литературным языком. Эти воспоминания были опубликованы в 7-м номере журнала «Русский архив» за 1900 год. В примечании к публикации издатель отметил: «Записки... представляют собой дорожный дневник. Свечин был образованным

человеком, владел двумя иностранными языками и значительно по тому времени начитанностью. В дневнике этом нет ничего исторически важного, но так как он живо рисует внутренний склад и жизнь Русского офицера за границей, то он, думается нам, подлежит печати». В дорожном дневнике Свечина много места занимают описания впечатлений от посещений им театральных спектаклей, оценка игры актеров и актрис в них; дворцов, парковых ансамблей, архитектуры городов, что свидетельствует об эстетической образованности автора.

В 1826 году Свечин был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1829 году высочайшим указом Никанор Михайлович «увольняется от службы за болезнью, с мундиром и пенсионом полного жалованья». В общей сложности Никанор Михайлович прослужил в армии 38 лет.

После выхода в отставку Никанор Михайлович попеременно проживал то в Дубровке, то в Петербурге. До сих пор среди стариков - коренных жителей деревни Дубровка - имеют хождение легенды о строгом генерале-помещике, который с башни наблюдал за работой своих крестьян и, если кто не оказывал ему почтения (не снимал шапку и кланялся), приказывал пороть на конюшне. (На хозяйственном дворе усадьбы действительно существовала башеннообразная постройка, разобранная в 1947 году.)

Таков был генерал-лейтенант и кавалер Никанор Михайлович Свечин, человек образованный, начитанный, любитель театра и архитектуры, мастер штыковых атак, не раз смотревший смерти в глаза.

Андрей Крылов
2005

Церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа

Шутово

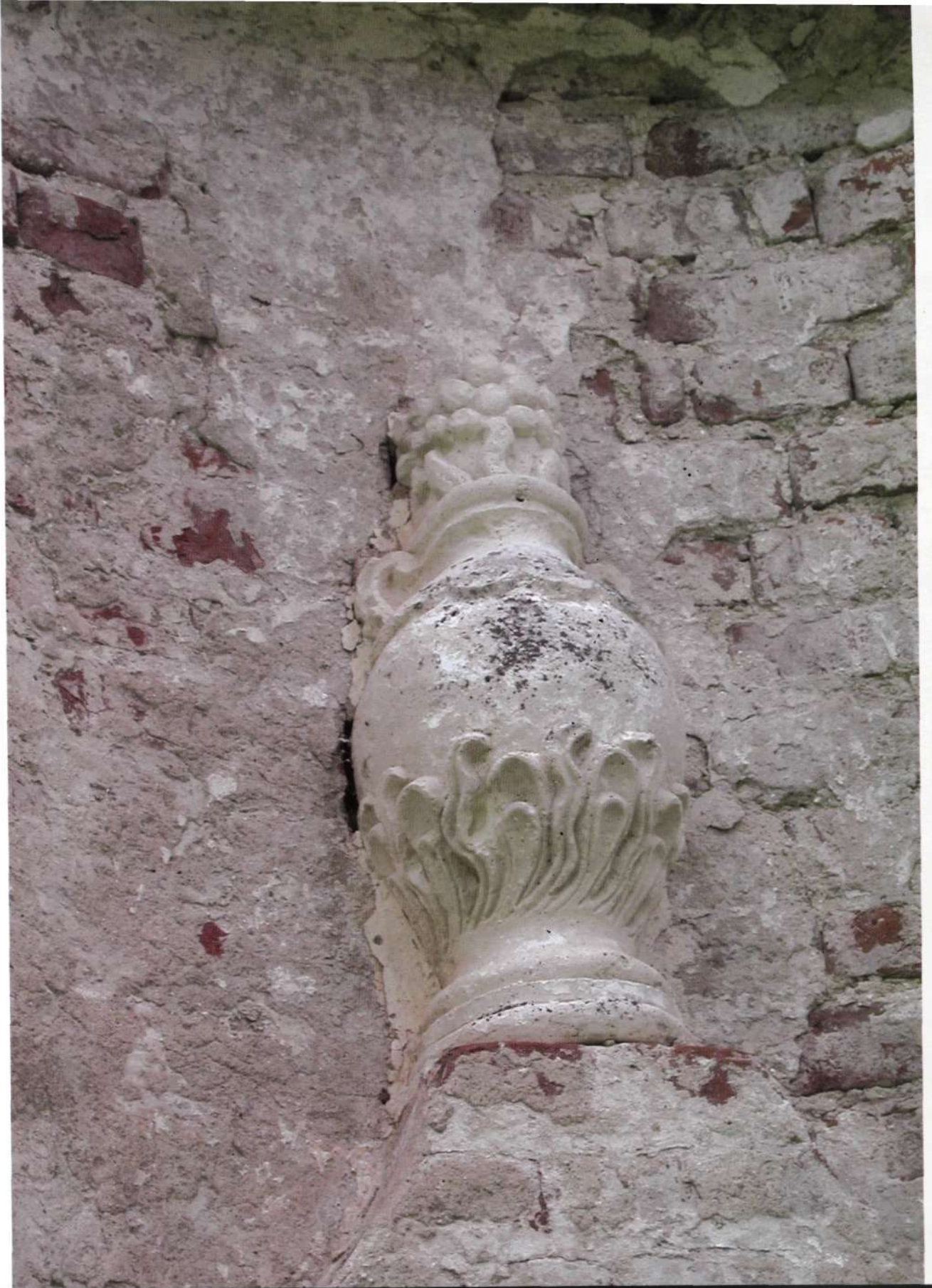
Усадьба Шутово Ржевского района расположена на равнинной местности в километре от трассы Ржев - Старица, недалеко от деревни Маслово, к северу от реки Мерзкой, «Местность села Шутово в старину входила в Мерзский стан удела Старицкого князя Владимира Андреевича и по договорной грамоте 1566 года была променена... Ивану Васильевичу Грозному на Дмитровский удел».

Во второй половине XVIII века сельцо принадлежало помещикам Полторацким. В 1776 году на средства Полторацких была построена церковь Покрова Богородицы. На протяжении XIX века церковь неоднократно перестраивалась, с запада к храму пристроили колокольню, интерьер церкви был расписан живописцем Иваном Степановым

В первой половине XIX века имение принадлежало помещику статскому советнику Федору Карповичу Раневу. В это время был построен барский дом, «при имении находятся на разных реках две мукомольные мельницы, каждая о двух поставах, могущие в урожайные и хлебные годы оставить в год 250 рублей серебром доходу, да кирпичное заведение, на котором приготавливается ежегодно крестьянами посредством машин до 30 тыс. штук кирпича для продажи окольным жителям и на господский и крестьянский обиходы». Имение перешло по наследству пятерым детям Ранева, однако «распорядительницею» имения по духовному завещанию отца стала старшая дочь Аполлинария.

Остатки господского дома сегодня можно обнаружить к востоку от церкви, к которой ведет дорога с мощением. Вокруг церкви сохранилось кладбище.

*...И тогда исчезает за твоей спиной
реальный мир, и ты явственно
слышишь колокольный звон не
существующих колоколов*

Если вам покажется, что пустующая усадьба мертва, лишена права голоса - подвергните эту мысль сомнению: может, это мы глухи? не умеем слушать?

«Забытые богом места...» - кто-то обмолвился рядом. Но если тропа поманила тебя и ты, махнув рукой на бездорожье, по этой, почти что угаданной стезе, преодолевая сопротивление цепляющейся за ноги травы, почему-то не пускающей тебя, все равно идешь и выходишь к храму - не значит ли это, что ты идешь на чей-то зов? Что ты, наконец, ус-лы-ша-л!

И вот ты уже своей ладонью касаешься храмовой стены, и холодная старая кирпичная кладка, ждавшая твоего прикосновения, может быть, целый век, согретая твоей горячей ладонью, исторгнувшей из старого камня осенние слезы, плачет - дождались..

...И тогда исчезает за твоей спиной реальный мир, и ты явственно слышишь колокольный звон не существующих колоколов. Так ли это? Для кого они звонят или по кому? Для тебя ли или для тех, кто

перед твоими глазами идет к заутренней...

Вот молодая мать, совсем еще девчонка, с дочкою на руках. Обе в одинаковых сарафанах и одинаковых беленьких платочках, повязанных вкруг головы.

Вот идет бородатый мужик, косая сажень в плечах, в поддевке и «шальварах», заправленных в сапоги, отдраенные так, что ты видишь в них свое умиротворенное лицо как в зеркале.

Ты слышишь звук их голосов. Через общий гул прорываются отдельные фразы не сегодняшнего языка...

- И ты к празднику в гости собралась. Издалека идешь?

- Издалека, а как же - сегодня храмовый праздник!

- Благодать-то какая!

- Благолепие!

Ты слушаешь их голоса, и радость, тихая радость опускается на твою душу. Радость и покой. И вот уже губы твои шепчут знакомую молитву, она вливается в строй голосов... «Отче наш, иже еси на небеси...»

Наина Хонина
2005

Детство уходит как ветер, улетающий в никуда:
замолкают колыбельные, нет больше детских снов.
И я, взрослый человек, стою на страже Памяти,
чтобы сохранить предание, чтобы поведать тебе
сказку о прекрасных феях, прилетающих по ночам
к твоей постели. Ты еще не знаешь, что всему
приходит конец. Ты веришь в свои грезы как в
прекрасную явь. Но сон твоего детства уйдет,
и ты сменишь меня на часах, чтобы тоже
стоять на страже Памяти.

Архивные источники

Архивные источники

Государственный архив Тверской области

Фонд 59. Тверской губернский предводитель дворянства.

Опись 1. Дд. 911, 1697, 1803, 1962, 2246, 2263, 2320, 2530, 2541, 2946, 2974, 3078, 3232, 3620, 3698, 3789, 4389, 4493, 4682, 5285, 5321, 5343.

Фонд 148. Тверской губернский комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян.

Опись 1. Дд. 55, 595, 604, 776, 1236, 1399, 1456, 1457, 1618, 1779.

Фонд 160. Тверская духовная консистория

Опись 1. Д. 22011.

Фонд 513. Бежецкий уездный предводитель дворянства.

Опись 1, Д. 449.

Фонд 645. Тверское дворянское депутатское собрание.

Опись 1. Дд. 1060, 1061, 1062, 5715, 7050, 7062.

Фонд 852. Тверская губернская чертежная.

Опись 19. Д. 873.

Опись 22, Дд. 352, 784, 1728, 1729, 1730, 1935, 1936, 1937, 2982, 3065.

Опись 23. Д. 84.

Опись 24. Д. 447.

Опись 25. Дд. 167, 404, 405, 406, 427, 428, 429, 566, 567.

Опись 26, Дд. 445, 2019, 2020, 3187.

Фонд Р-56. Калининский областной краеведческий музей.

Опись 1, Дд. 57, 80.

Фонд Р-57. Тверской губернский комитет научных библиотек.

Опись 1. Дд. 3, 9, 12.

Фонд Р-192. Исполнительный комитет Микшинского волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Опись 1, Д. 152.

Фонд Р-263. Исполнительный комитет Емельяновского волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Опись 2, Д. 4.

Фонд Р-291. Тверской губисполком.

Опись 2. Д. 394.

Фонд Р-294. Исполнительный комитет Тверского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Опись 1. Дд. 111, 177, 255.

Фонд Р-452. Бежецкое уездное земельное управление.

Опись 1. Д. 6.

Фонд Р-476. Старицкий уездный земельный отдел Старицкого уездного исполкома.

Опись 1. Дд. 15, 18.

Фонд Р-488. Тверской губернский отдел народного образования.

Опись 5. Тверской губернский музей. Дд. 19, 42, 47, 54.

Фонд Р-827. Весьегонское уездное земельное управление.

Опись 1. Д. 13.

Фонд Р-835. Тверское губернское земельное управление.

Опись 2. Дд. 9, 55, 153, 214.

Опись 3. Д. 50.

Опись 5. Д. 391.

Опись 9. Дд. 206, т. 2, 207, 247, 286.

Опись 11, Д. 142.

Фонд Р-836. Тверское уездное земельное управление.

Опись 1. Дд. 1010, 1095, 2240.

Фонд Р-854. Тверское губернское управление советскими хозяйствами.

Опись 1. Дд. 42, 80, 92, 102, 106, 122а, 195.

Фонд Р-1590. Земельное управление исполнительного комитета Осташковского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Опись 1. Д. 375.

Фонд Р-2173. Зубцовский уездный комиссариат земледелия.

Опись 1. Д. 2.

Архив Тверской областной картинной галереи

Опись 1. Д. 7.

и литература

Литература

- Барсегян Т. Где вы, любезные предки? // Памятники Отечества. 1992, № 25. С. 89-95.
- Газета Тверские губернские ведомости. 1852 г. №№ 2, 3, 5. 1855 г. №№ 9, 18. 1858 г. №№ 1, 4, 5, 6. 1859 г. № 2. 1860 г. № 49. 1867 г. № 72. 1880 г. № 26. 1892 г. № 20. 1901 г. №№ 104, 108. 1902 г. №№ 15, 65. 1903 г. №№ 18, 116, 122. 1905 г. № 16. 1906 г. № 20. 1909 г. № 49. 1915 г. № 62.
- Галашевич А. Усадьба Чукавино // Журнал Домовой. Тверь, 1994. №№ 2-8.
- Галашевич А.А. Художественные памятники Селигерского края. М., 1983.
- Елатко Ю.Г. Семейные портреты Манзей и Волковых в Эрмитаже // Памятники культуры. Новые открытия. 1998. М., 1999. С. 358-391.
- Журнал Тверская старина. 1912. № 1.
- Журнал 83 заседания Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК) 19-20 июня 1901 г.
- Журнал 84 заседания ТУАК 6 ноября 1901 г.
- Журнал 85 заседания ТУАК 27 ноября 1901 г.
- Журнал 94 заседания ТУАК 7 декабря 1903 г.
- Журнал 96 заседания ТУАК 5 апреля 1904 г.
- Журнал 97 заседания ТУАК 18 ноября 1904 г.
- Журнал 98 заседания ТУАК 20 декабря 1904 г.
- Записки княгини Н.Т. Кропоткиной (машинописная копия) // Музей М.Е. Салтыкова-Щедрина, филиал Тверского государственного объединенного музея. Фонд Бакуниных.
- Крылов И. Достопримечательности в уезде. Вып. 1. Старица, 1915. Вып. 2. Старица, 1916.
- Куликова С.Г. Арсений Никанорович Трубников: штрихи к портрету российского консерватора // Из архива тверских историков. Вып. 4. Тверь, 2004. С. 62-75.
- Материалы для истории Тверского губернского земства. 1886-1908 гг. Т. VI. Тверь, 1909.
- Паспорт на усадебный комплекс Митино. 1985 / Сост. Шармин П.Н.
- Паспорт на усадебный комплекс Василево. 1985 / Сост. Никольский С.
- П.П. Максимович (некролог) // Русская школа. 1892. № 9. С. 68-76.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 9, Письма 1815-1830 годов. М., 1977.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1831-1837 годов. М., 1978.
- Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. У. Новоторжский уезд. Тверь, 1889.
- Селиванов А.Ф. П.П. Максимович. Основатель женской учительской школы. СПб., 1901.
- Суворов В.П. Кропоткины в Тверском крае (1886-1926 годы) // Из архива тверских историков. Вып. 3. Тверь, 2002. С. 166-183.
- Сысоев В. Бакунины. Тверь, 2002.
- Тверская усадьба. Дворянство. Гербы. XVIII-XX вв.: база данных/ Тверской государственный университет, Научная библиотека. Тверь, 2000. CD-rom.
- Тверской епархиальный статистический сборник / Сост. И. Добровольский. Тверь, 1901.
- Усадьба Знаменское-Раек. Эскизный проект реставрации. М., 1993 // Архив Тверского комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области.
- Усадьба Курово-Покровское. Эскизный проект реставрации. М., 1994 // Архив Тверского комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области.
- Усадьба Красное. Эскизный проект реставрации. М., 1995 // Архив Тверского комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области.
- Усадьба Грузины. Эскизный проект реставрации. М., 1993 // Архив Тверского комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области.
- Ушаков А. Село Тухани Весьегонского уезда Тверской губернии. Старица, 1903.

Содержание

Вступительное слово		Осипово. Торжокский район	78
Дмитрий Зеленин	3	Покровское. Осташковский район	82
Каринэ Конюхова	4	Первитино. Лихославльский район	86
Ольга Петровичина	5	Доманиха. Лихославльский район	92
		Щербово. Торжокский район	96
Горницы. Кувшиновский район	8	Чукавино. Старицкий район	104
Глухово. Торжокский район	14	Рылово. Калязинский район	108
Грузины. Торжокский район	18	Шепели. Кашинский район	112
Красное. Старицкий район	22	Знаменское-Раек. Торжокский район	118
Берново. Старицкий район	28	Чевакино. Торжокский район	120
Курово-Покровское. Старицкий район	32	Кемцы. Бологовский район	126
Малинники. Старицкий район	34	Млевичи. Торжокский район	130
Павловское. Старицкий район	35	Островки. Вышневолоцкий район	136
Ладыно. Торжокский район	36	Панафидино. Старицкий район	140
Межутоки. Бологовский район	42	Боровно. Вышневолоцкий район	144
Знаменское. Ржевский район	48	Митино. Торжокский район	148
Ново-Михнево. Лихославльский район	52	Коноплено. Старицкий район	154
Тухани. Сандовский район	58	Дубровка. Спировский район	160
Новые Ельцы. Осташковский район	64	Шутово. Ржевский район	166
Братково. Старицкий район	70		
Масальское. Ржевский район	74	Архивные источники и литература	172

Тверские усадьбы

[впечатления]

книга первая

Идея проекта - губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин
Издательская группа Благотворительного фонда во имя иконы
Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (с грошиками)
Руководитель проекта Каринэ Конюхова
Выпускающий редактор Ольга Петровичина
Дизайн и верстка Сергей Жилкин
Фотографии и графика Ольга Петровичина
Подготовка исторических материалов Инна Поведская
Литературная редакция Евгений Борисов, Ирина Бодрова
Корректор Ирина Бодрова

Книга издана администрацией Тверской области

Издательская группа благодарит Государственный архив Тверской
области, комитет по охране историко-культурного наследия
Тверской области

Изготовление фотоформ ЗАО «Голанд», Санкт-Петербург

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Янтарный сказ»
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18,
Заказ 7918
Тираж 1000 экз.

